

Slavery: Theory and Practice

Has been issued since 2016. E-ISSN 2500-3755
2019. 4(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Dudarev Sergey – Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Biriukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Rekhovskii Aleksandr – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Tsetskhladze Gocha – Oxford University, Oxford, UK

Zakharov Vladimir – Institute of Political and Social Research of the Black Sea-Caspian Region, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04

Website: <http://ejournal43.com/>
E-mail: dudarev51@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 4.

Slavery: Theory and Practice

2019

Is.

1

CONTENTS

Column by editor in chief	3
---------------------------------	---

Articles and Statements

Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs E.I. Inozemtseva	4
Modern Slavery in India: the Essence, Forms, Distribution V.S. Molchanova	20
Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century N.S. Stepanenko	29

Reviews

Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. «Nabezhavshimi khishchnikami vzyat v plen...»: Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus. Pyatigorsk: PSU, 2018. 84 p. S.L. Dudarev	35
--	----

Letter to the Editorial Office

On the Sale of Women in Soviet Concentration Camps during the Russian Civil War A.A. Cherkasov	42
---	----

Column by editor in chief

Выпуская в свет новый номер журнала «Slavery: Theory and Practice» необходимо сказать несколько слов о содержании его статей. В них, согласно сложившейся в журнале практике рассматриваются мировые аспекты такого явления, как рабство, так и его кавказский срез, с учетом научных интересов авторского актива нашего издания.

В статье В. Молчановой анализируется ситуация с современным рабством в Индии. Автор убедительно, во всеоружии статистики и литературы, показывает, что рабство в этой стране имеет четкий гендерный аспект, поскольку в его сферу преимущественно вовлечены девушки и женщины. Ученый демонстрирует, что их рабская эксплуатация имеет ярко выраженную сексуальную сторону. При этом примечателен тот факт, что в сферу «сексиндустрии» вовлечены не только уроженки Индии, но и представительницы соседних стран Южной Азии, а также СНГ и России (причем, что наиболее поразительно, из Чечни, с ее подчеркнута строгими порядками в сфере соблюдения норм мусульманской нравственности, дресс-кодом и т.п.). Имеет место и такой печальный аспект, как торговля органами.

Эти грани феномена рабства заставляют вновь обратиться к потенциальным авторам журнала, занимающимся современной историей, в том числе, российским ученым, призывая их обратиться к актуальным проблемам эксплуатации людей в ближнем и дальнем зарубежье, а также России. На пространстве СНГ уже давно известны и торговля органами (например, в Молдове), и подпольная эксплуатация рабов на производстве (Подмосковье и Дагестан) и сексуальное рабство (завлечение девушек в роли «фотомоделей» в публичные дома где-нибудь в Косово), сексуальное «отходничество» (заработки в роли «жриц любви» в зарубежных странах девушек с Украины и других стран СНГ и России) и т.п. Есть проблемы с подобной незаконной эксплуатацией и в районе Большого Сочи.

Другие статьи, а также рецензия, посвящены проблемам рабства на Кавказе в историческом прошлом. При этом и они, что крайне важно, не лишены выхода в современность. Рассматривая особенности социально-правового статуса рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа через призму адата и шариата, признанный специалист в данной области Е. Иноземцева приводит весьма репрезентативные факты того, насколько ущемленными в общественном мнении Дагестана до сей поры являются потомки «лагов», т.е. рабов. И так, увы, обстоит дело не только здесь.

В статье молодого ученого Н. Степаненко приводятся интересные архивные данные о том, как беглые казаки и крестьяне, оказывавшиеся в первой половине – середине XIX в. среди горцев в обстановке так называемой Кавказской войны, занимались захватами и торговлей пленными, среди которых могли быть и их соотечественники и единоверцы. Как видим, для отщепенцев таких моральных проблем не существовало, и так было во все времена.

В нашей рецензии на книгу известных историков-кавказоведов Ю. Клычникова и С. Лазаряна дается положительная оценка серьезного труда этих ученых, на архивном материале обратившихся к судьбам поляков, попавших на Северный Кавказ в первой половине XIX в., в результате бурных политических перипетий той эпохи. Их истории были весьма неоднозначными, являлись результатом стечения различных обстоятельств и не могут трактоваться односторонне. Во всяком случае, далеко не все они стремились оказаться в рядах горцев для того, чтобы бороться с российским самодержавием. Даже оказываясь по этой причине в рядах горских комбатантов, они могли пополнить ряды невольников – автохтоны Северного Кавказа, прямо скажем, не всегда видели в них своих союзников по борьбе, но рассматривали, как объект эксплуатации и ходовой товар (Северо-Западный Кавказ).

Авторы надеются, что проделанная ими работа будет представлять интерес для коллег и поспособствует развитию представленной в журнале проблематики.

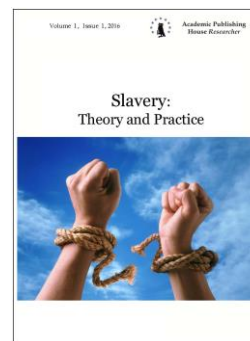
Главный редактор, д-р ист. наук, профессор С.Л. Дударев

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 4-19

DOI: 10.13187/slave.2019.1.4

www.ejournal43.com

Articles and Statements

Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs

Elena I. Inozemtseva ^{a, *}

^a Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan, Federal research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The author of the article attempts to review the existence of slavery in the late medieval period through the prism of the customary law and fundamental monotheistic religions, to cover forms of disempowerment, moral abuse and material deprivation, which characterize the socio-legal status of one of the categories of dependent population in the feudal Dagestan and adjacent domains of the Northeast Caucasus, carrying the social content of the notion “slave”.

Keywords: Northeast Caucasus, Dagestan, customary law – adat, Quran, Islam, Sharia law, slave, kul, yasyr, lai.

1. Введение

Рабство – форма угнетения и эксплуатации себе подобных – наблюдается практически во всех эпохах истории человечества. Это социальное явление к, сожалению, не изжито и в современном мире.

В средние века сложилось идеологическое оправдание рабства, прежде всего в мировых религиях. Буддизм объяснял рабское положение человека его кармой, Христианство – наказанием за грехи, Ислам рассматривал рабство как проявление воли Аллаха, который может вознести или уничтожить человека. В Иудаизме рабство рассматривалось как проявление воли Божьей: верующий иудей до сих пор в своей молитве благодарит Бога за то, что тот не создал его рабом. Все мировые религии в отдельных случаях допускали осуждение рабства, но это не меняло сути дела – в глазах адептов всех мировых религий рабское состояние было проявлением воли Божьей.

Само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Юридически рабы представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Что же касается рабов на Северо-Восточном Кавказе в средневековье, то их жизнь, в частности в феодальном Дагестане, протекала в сфере правового регулирования и их правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен еще и обычным правом – адатом.

* Corresponding author

E-mail addresses: ljuma78@mail.ru (E.I. Inozemtseva)

С другой стороны, институт рабства в регионе следует рассматривать через призму мусульманской системы права. Все источники, в частности дагестанского происхождения, сообщающие о рабстве, свидетельствуют о строгой регламентации этого института нормами шариата.

2. Материалы и методы

2.1. В предложенной автором статье в качестве материалов послужили работы авторитетных отечественных кавказоведов, а также зарубежных историков и ученых, как С.М. Броневский, Н. Дубровин, Дж. Белл, Дж. Ингрэм, И.Я. Фроянов, Р.М. Магомедов, Х.-М. Хашаев, С.Ш. Гаджиева, Т.Х. Кумыков, Ф.В. Тотоев, А.Р. Шихсаидов, Х.Х. Рамазанов, М.А. Агларов, Б.Г. Алиев, А.И. Хасбулатов, Ш.Б. Ахмадов и др.

В качестве основного источника использовались опубликованные письменные памятники обычного права кавказских горцев, в частности народов Дагестана, а также архивные материалы из ЦГА Республики Дагестан в том числе и выявленные непосредственно автором.

2.2. В работе применялись общенаучные и традиционные методы исторического анализа: историко-сравнительный и историко-ситуационный. Первый помог сопоставить положение различных групп зависимого населения Северо-Восточного Кавказа, показав общее и особенное в их социально-правовом статусе в процессе трансформации форм зависимости в средневековом горском обществе. Второй позволил, проводя аналогии с положением зависимых категорий населения, в частности в средневековом Русском государстве и на Ближнем Востоке, углубить анализ их правоспособности через призму обычного права и религиозных воззрений.

3. Обсуждение и результаты

В силу существования многочисленных исторических, региональных, национальных и конфессиональных особенностей социальная стратификация феодального общества Северо-Восточного Кавказа являла собой весьма пеструю картину, а социальные отношения отличались большой сложностью и разнообразием.

Проблема рабства в феодальных владениях региона, Дагестана в частности, рассматривалась в трудах северокавказских и дагестанских ученых в связи с разработкой общих вопросов социально-экономической и политической истории региона. По данному вопросу имеются отдельные статьи и разделы в монографиях, посвященных истории различных регионов и этносов Северо-Восточного Кавказа, хронологически относящихся к средневековой эпохе.

Ряд дагестановедов, в частности, считает рабство, во всяком случае в районах каспийского побережья и Восточного Дагестана, «самостоятельным укладом». Так Х.Х. Рамазанов, делая ряд экскурсов в историю рабства, приходит к выводу о том, что оно в Дагестане являлось одним из социально-экономических укладов, было «патриархальным», «домашним» (Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова). А.Р. Шихсаидов рассматривает рабство как одну из особенностей развития феодальных отношений в Дагестане, полагая, что оно было «домашним» и служило средством обогащения феодализирующейся знати (Шихалиев, 1993: 156-158).

Наличие рабов на Северо-Восточном Кавказе вплоть до середины XIX в. фиксируется фактическим материалом, архивными документами, опубликованными в различных дореволюционных изданиях, таких как АКАК, ПСЗРИ, «Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу» и др., а также в публикациях документов, осуществленных советскими историками (Османов, 1960: 151-154).

О бесспорности факта существования в регионе института рабства свидетельствует и наличие в языках всех местных народов социального термина, несущего содержание понятия «раб», это: лагъ, лай, къул, къараваш, унаут, а также ясырь (Inozemtseva, 2017). Однако, хотя эта категория населения и именовалась рабами, по своему общественному положению очень отличалась от рабов в обычном классическом понимании этого слова. В отечественной историографии эта форма рабства получила название «патриархальное».

Как известно, патриархальное рабство в определенных условиях переросло в рабовладельческую формацию. В Дагестане в частности, как и повсеместно на Северо-Восточном Кавказе, этого не произошло, так как в недрах горского общества не было для этого необходимых условий. Эксплуатация их труда могла найти в горах крайне ограниченное применение, преимущественно в обиходе феодалов. В Дагестане рабов имели не только ханы, шамхалы, беки, но и салауздени (первостепенные уздени. – Авт.), просто уздени. Владельцами рабов были как целые общества, так и представители джамаатской знати (Мансуров, 1995: 154).

Само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Юридически рабы представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Само состояние неволи лишало раба значения юридического лица, приравнивая его к вещи, к скоту. Что же касается рабов в феодальном Дагестане, то их жизнь протекала в сфере правового регулирования их правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен обычным правом – адатом.

Бесправное и приниженное положение рабов нашло красноречивое отражение в адатно-правовых нормах. «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас единственным источником для характеристики социальных отношений у этих [северокавказских] народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для народов XVIII – начала XIX вв.», – замечал известный советский этнограф В.Г. Гарданов (Гарданов, 1960: 19).

Работа по сбору, систематизации и публикации адатов народов Дагестана началась со второй половины XIX в. Первой работой, вышедшей в 1868 г., была статья А.В. Комарова (Комаров, 1868: 1-79), в которой объединены и систематизированы адаты различных народов Дагестана. В приложении к статье дана запись одного из ценнейших документов XVII в. «Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-Хана».

В 1873 г. были изданы адаты даргинских обществ (Адаты даргинских обществ, 1873), а в 1875 г. – адаты южнодагестанских обществ (Адаты южнодагестанских обществ, 1875). В 1882–1883 гг. Ф.И. Леонтович издал «Адаты Кавказских горцев» (Леонтович, 1882–1883), в предисловии к первому выпуску этого издания говорится об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев. В 1899 г. были опубликованы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» (Адаты Дагестанской области..., 1899), куда вошли еще и адаты Андийского, Гунибского и Казикумухского округов.

Отечественными кавказоведами в советский период была проделана огромная работа по сбору и изданию адатов дагестанских народов. Особенно плодотворно кропотливая работа по выявлению и публикации адатно-правовых норм народов Дагестана, на анализе которых в основном базируются вопросы социально-правового положения рабов в Дагестане, была продолжена Х.-М.О. Хашаевым (Памятники обычного права..., 1965). Так, в сборнике «Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.» помещен наиболее полный свод адатов союзов аварцев и андо-цезской группы, а также адаты Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, «Кодекс законов Уму-хана Аварского (Справедливого)». В адатах содержатся важные сведения, в них зафиксирована социальная стратификация общества, отражены взаимоотношения между разными сословиями, их земельные отношения, права и обязанности различных категорий крестьянства, в том числе и лично зависимых.

По мнению большинства историков, социально-правовое положение рабов в Дагестане были исключительно тяжелым. Раб для владельца был своего рода материальной ценностью, живым товаром, говорящим инструментом. Труд раба не регламентировался. Раб должен был выполнять все требования хозяина за скудное пропитание и одежду, необходимые для его существования (Османов, 1960: 151-154).

Рабы, согласно адатам горцев, были лишены каких-либо политических прав, не допускались к разбирательству дел в качестве свидетелей или к участию в сходах джамаата. К присяге согласно «Кодексу» Уму-хана Аварского лаг не допускался, т.е. здесь проявилось юридическое обезличивание раба. Лаги по адату рассматривались юридически недееспособными: на основе свидетельства лага суд не принимал никаких серьезных решений, так как это свидетельство не могло быть подтверждено клятвой (Агларов, 1988: 141). Для сравнения: согласно Русской Правде холоп не являлся субъектом права. На Руси

вплоть до XVII века он не мог быть «послухом», т.е. не мог быть свидетелем на суде. Холоп, выражаясь юридическим языком, был имуществом, вещью; ответственность за причиненный холопом вред нес хозяин. Каких либо юридических последствий за убийство собственного холопа не было; а убийство чужого холопа квалифицировалось как причинение имущественного вреда (Мамадалиев, Дегтярев, 2017: 11). По сообщениям архивных документов рабы и рабыни в Дагестане считались «принадлежностью владельцев своих как всякое домашнее животное», с которым хозяин вправе поступить как он хочет (Центральный государственный архив Республики Дагестан, Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. л. 141).

Адаты шамальства Тарковского и ханства Мехтулинского гласят, что за убийство свободного рабом родственники помещика обязаны уплатить наследникам убитого пеню, а сам владелец убийцы удаляется из селения под именем кровного врага (канлы. – Авт.) и считается таковым до тех пор, пока наследники убитого простят его, если же кто-либо из последних убьет его, кровь считается возмездием за кровь убитого их родственника. Что же касается до самого убийцы, то он не подвергается никаким наказаниям ни со стороны наследников убитого, ни со стороны общества и спокойно живет в доме своего хозяина (Османов, 1960: 192).

По даргинским адатам, если владелец убийцы не согласится быть канлы родственников убитого, то должен освободить кула и тогда кул, сделавшись свободным, признается сам канлы (Адаты даргинских обществ, 1873: 15-16).

Согласно адатам Кайтага, «за убийство беком кула убийца не наказывался, ибо за собственность свою бек никому ответственность не мог» (Памятники обычного права Дагестана..., 1965: 151). Т.е. в делах кровомщения раб не являлся субъектом права – за поступки раба отвечал не сам раб, а его хозяин. Даже при воровстве рабом чего-либо обвинялся не он, а его подстрекатель (Памятники обычного права Дагестана..., 1965: 27).

Невозможно не заметить «зеркального» совпадения этой статьи адата с положением русских холопов, которые не могли быть субъектами правонарушения. «Ответственность за вред и убытки, причинение правонарушением холопа, падает на его господина, и притом ...в двойном размере» (Энциклопедический словарь..., 1903; Мамадалиев, Дегтярев, 2017: 11).

Сравним вышеприведенное нами положение адата сел. Ингердах, по которому, «если раб убьет свободного и если этот живет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин, все имение его разоряется, поля остаются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 26-27), с другим положением, которое формулирует требование общества наказания за убийство свободного свободным: «За те же деяния все имение его (убийцы. – Авт.) разоряется, поля оставляются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли до тех пор, пока родственники убитого простят убийцу или убьют его. Если убийца живет еще в доме родителей, то делается то же самое с имением, без малейшего исключения, если же убийца живет отдельно от родителей, то имение их не подвергается никакому вреду» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 26). В данном случае не наблюдается разницы в применении наказания в отношении узденя и раба. Кроме того, что за преступление, совершенное рабом, ответственность несет его хозяин, а сам раб остается без наказания.

В другом случае, если раб-убийца живет отдельно от своего господина и если не убежит, то господин платит родственникам убитого только пеню за убийство, имение же его не подвергается вреду, если раб и убежит, то же самое платит господин (Из истории права народов Дагестана, 1968: 27). Как сказано в Кодексе законов аварского Умму-хана, если «уздень убьет раба, то с него взыскивается дият в пользу владельца раба» (Памятники обычного права Дагестана..., 1965: 268).

В этой статье, по мнению профессора М.А. Агларова, отразилось не только юридическое обезличивание, но и отсутствие прав лага на имущество и, возможно, на семью. Между тем, – замечает М.А. Агларов, – несмотря на закон, не все уздени прощали убийство их лага. Ущерб считался не только материальным, но и моральным (Агларов, 1988: 141-142).

Рабы не имели никакой собственности, за ними не признавалось никаких имущественных прав, у них не было собственного жилища, они не имели права жениться, т.е. лишались личных прав. Это утверждение, кочующее в дагестанской историографии из

одной работы в другую, как увидим ниже, не всегда соответствовало действительности. На различных этапах истории положение рабов в Дагестане подвергалось различной трансформации и, в зависимости от географии бытования института рабства в регионе, имело различные специфические черты.

Рабское состояние было наследственным. Потомок раба мог стать только рабом. Даже брак со свободным не мог спасти детей невольницы от рабства. Этого преимущества были удостоены лишь дети, прижитые с представителями высшего сословия. Хозяева заботились о воспроизводстве рабов так же, как заботились о размножении скота. Впрочем, приравнение положения рабов, в особенности рабынь, к положению скота – характерная черта рабовладения и его оформления в праве не только в странах средневекового Востока. В Киевской Руси ребенок от рабыни приравнивался к приплоду от скота: челядь лишь тем только и отличалась от скота, что могла говорить (Фроянов, 1965: 91). Почти во всех спорных случаях «приплод» считался собственностью хозяина рабыни. Дети от смешанных браков чаще всего также рассматривались как «приплод».

Для сравнения: на Ближнем Востоке дети от брака раба со свободной рассматривались как рабы. А женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого раба (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 91).

А.С. Акбиев пишет, что, согласно документам, рабы и рабыни (кулы и каравашки) – это дворовые люди, невольники, не имеющие никаких прав в отношении к своим владельцам (Акбиев, 1998: 115). Владелец их одевал и кормил или отдавал в их распоряжение на каждое хозяйство по паре быков с арбою, позволяя им по окончании господских работ промышлять на себя, в таком случае господин не одевал, а только кормил. Кумыкские кулы не были «обременены излишними работами, как можно было это предположить, но вместе со своими господами составляли одно семейство, работают для них как на себя. За это владельцы обращаются с ними довольно ласково, извиняют их недостатки и редко прибегают к строгим наказаниям», – писал в газете «Кавказ» автор под псевдонимом «Кумык» (Шихалиев, 1993: 66).

То же самое отмечал и Н. Дубровин. По его сведениям относительно кулов, их положение у кумыков было менее тягостно, чем холопов у русских, что легко объясняется «характером и нравом народа». Он свидетельствовал, что в кумыке не было нестерпимого презрения к себе подобному и поэтому владелец «не отчуждал своего раба от человечества вообще, обходился с ним ласково и снисходительно. Телесные наказания были редки и не жестоки, а смертной казни никто и не помнит» (Дубровин, 1871: 623).

Бесспорно, что институт рабства на Северо-Восточном Кавказе следует рассматривать и через призму мусульманской системы права. Ведь, как известно, положения мусульманского права о рабах, сложившиеся еще в раннем халифате, пережили Средневековье, не претерпев особых изменений, лишь обрастая комментариями. Все источники, в частности дагестанского происхождения, говорящие о рабстве, свидетельствуют о строгой регламентации этого института нормами шариата (Иноземцева, 2014: 17).

Право средневековых стран Востока, несомненно, видело в рабе человеческое существо, не наделяло его хозяина правом уничтожения своей собственности по своему волеизъявлению и в своем интересе. Мусульманское право не только не признавало за хозяином права на жизнь раба, но и предусматривало обязанность хозяина не изнурять раба непосильной работой и хорошо кормить. «На обязанности хозяина лежит содержание его раба или рабыни, а если он отказывается, и у них есть возможность добывать пропитание, то должны зарабатывать и содержать себя сами, а если нет у них возможности добывать пропитание, то хозяина следует принудить продать их» (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 438-439). «Не мучайте тварей Аллаха, – писал Абу Хамид Мухаммад ал-Газали, – потому, что Аллах дал их вам в собственность, а если бы захотел, то отдал бы вас в их собственность» (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 439).

Везде на Ближнем Востоке рабы имели семьи и имущество. Так, рабы в Сирии могли владеть определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни общества; рабы могли получать свободное время для работы на себя.

Религия ислама, стараясь смягчить суровость рабства, настоятельно внушала своим последователям, относиться к рабам кротко и снисходительно. Согласно мусульманской

религия, отпустить на волю раба – богоугодное дело, акт благочестия. По словам Пророка, свидетельствует автор «Истории рабства...» ссылаясь на суры Корана, – «правовверный, отпускающий на волю своего ближнего, освобождает и самого себя от забот человеческих и мучений огня вечного» (Цит.: Ингрэм, 2011: 240). Поэтому многие мусульмане, вняв призывам Корана, освобождали своих рабов после нескольких лет их рабства и, особенно, если последние принимали Ислам. «Если кто из твоих рабов, – говорит Коран, – пожелает быть отпущенным на волю, исполни его желание, если считаешь его достойным, удели ему от сокровищ, которыми он наделил тебя...» (Цит.: Ингрэм, 2011: 240).

На мусульманском Востоке, свидетельствует Дж. Ингрэм, раб не считался существом низшего разряда, рабское происхождение или рабство в прошлом не мешали ему достигнуть освобождения высших общественных ступеней (Ингрэм, 2011: 240). Мусульманское право признавало только два принципиальных различия между людьми: мусульмане и немусульмане, а внутри этих групп – свободные и рабы. Забота же о рабах приравнивалась к заботе о других подопечных. «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику и соседу-чужаку. и близкому другу, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши», – призывает Коран (Цит.: Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 426).

Считаем необходимым здесь провести некоторые аналогии. Что касается Православия, то «...в своих заботах о спасении паствы церковь не могла не признавать в челяди образа и подобия Божия, ибо рабы такие же люди, только господам в услужение данные Богом. В целом ряде посланий рабовладельцы увещеваются обращаться с челядью милостиво, кормить и обувать ее и наставлять, как своих детей или домашних сирот...», – свидетельствуют Ф.А. Брокгауз и И.А. Евфрон (Энциклопедический словарь..., 1903: 533). Другое дело как к этим увещеваниям относились владельцы холопов. Как предполагают авторы энциклопедии, они «едва ли часто трогали рабовладельческую совесть». «...Успешнее сказывалось влияние церкви в вопросах об отпущении холопов на волю. Воздействуя на своих сынов во время исповеди, особенно перед смертью, духовенство имело возможность во многих случаях настоять на освобождении хотя нескольких людей из состава челяди каждого рабовладельца «на упокой души» (Энциклопедический словарь..., 1903: 534).

Примерно так же обстояло дело и в Дагестане. По данным Ш.М. Мансурова, в условиях Салатавского союза сельских общин военнопленный в положении раба. т.е. бесправного члена общества, которого можно свободно отчуждать как собственность, находился временно. Владельцы обычно отпускали рабов, когда наступала пора обзаведения семьей, за определенный выкуп или безвозмездно (Мансуров, 1995: 94). «...Рабы на Востоке практически везде имели семьи. (Одним из проявлений богоугодной заботы о рабах считалось содействие их браку). Общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих рабов – мужа и жену, или родителей и детей. Во всяком случае, в действующих законодательных актах во многих странах средневекового Востока не было нормы, которая бы четко провозглашала право хозяина продать членов семьи своего раба поодиночке по своему усмотрению» (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 50). Обратив в мусульманскую веру купленного или захваченного иноверца, дав ему свободу, свидетельствуют адаты салатавцев, по шариату считалось действием, равноценным посещению Мекки. Рабов также освобождали за совершенные подвиги или за полезные для общества дела (Мансуров, 1995: 94).

Р.М. Магомедов приводит письмо кадия и ученых джамаата Маалал «большим людям» и кадию сел. Чиркей, в котором утверждается, что, если пленный указывал, что он мусульманин, его должны были освободить без выкупа (Магомедов, 1971: 199). В действительности это далеко не всегда соблюдалось. Так, Ш.М. Мансуров приводит очень интересные данные о том, что если раба без выкупа не отпускали, а он не в состоянии был себя выкупить, то в таких случаях в каждой общественной казне салатавских джамаатов существовал определенный фонд для выкупа рабов (Мансуров, 1995: 95). Освобожденным рабам, если не хозяином, то джамаатом, выделялся небольшой участок земли из некультуренной общинной собственности. Так, в XVIII в. житель сел. Миатлипо имени Омар отпустил своего раба на волю, выделив ему земельный надел (Мансуров, 1995: 95). Известно, что в сел. Буртунай бывшим рабам джамаат выделял участки под строительство дома в отдельном квартале (Бахтанов, 1863).

По наблюдениям Ш.М. Мансурова, до освобождения раб находился в полной инеограниченной власти владельца, и никто не имел права вмешиваться в «хозяев и холопов междоусобные дела», после же освобождения община брала его под свое покровительство. В Чиркее в середине XIX в. до 200 семей считались отпущенными на волю разновременно своими владельцами (Мансуров, 1995: 95). После освобождения рабы формально становились правоспособными лицами, но фактически даже их потомки постоянно подвергались правовой, политической и экономической дискриминации в джамаате. Существовал ряд форм морального унижения и материальной притеснения отпущенных на волю и их потомков.

По обычному праву салатавцев, если переселенец-вольнотпущенник или его предки когда-то были рабами, то таких лиц принимали в общину на очень жестких условиях. О подобном факте свидетельствует предание, в котором говорится о том, что вольнотпущенный Галбац с семьей остановился недалеко от сел. Гертма и долго просил джамаат принять его. В очередную пятницу при рассмотрении этого вопроса было решено принять его в общину с условием, что он и его потомки вечно будут работать общественными пастухами, не претендуя на большее. Галбаца с семьей приняли в джамаат, т.е. община взяла их под свое покровительство, но никто не принял их в свой тухум (Мансуров, 1995: 98).

В союзах сельских общин Дагестана, где имело место рабовладение, рабы не находили должного применения в хозяйстве из-за скудности земельных угодий и в основном либо освобождались за выкуп или даже без выкупа, либо поставлялись на рынок в центрах работорговли. Освобожденные или отпущенные на волю рабы постепенно становились членами сельского общества, образуя со временем рабские тухумы, заселяя целые кварталы и даже отдельные поселки. Поданным М.А. Агларова, освобожденные рабы в Гидатлинском союзе сельских общин, в сел. Гента, назывались нахъателал (букв. стоящие в последних рядах). В сел. Чиркей – лаг тархан (вольнотпущенник), в Телетле – тархъанта-ралал, в других аварских селах – тархъангъарурал, лагътархъан или просто тархъан (Агларов, 1988: 142).

В ряде случаев владельцы могли дать рабам волю и без выкупа, например, в «богоугодных» целях, в честь прихода уважаемого кунака, а также в честь знаменательных событий (рождение долгожданного сына, излечение от продолжительной болезни и т.п.). Рабы, получившие освобождение за выкуп, а также их потомство при фактическом неравенстве формально все же становились членами сельского джамаата (Рамазанов, 1962: 162).

Д.-М. Шихалиев свидетельствовал: «Отпустить холопа на волю, по мнению мусульман, есть благое и богоугодное дело; почему при болезнях или каких-нибудь потерях в семьях господ отпускают их на волю вследствие данного обета, в иногда увольняют их за деньги» (Шихалиев, 1993: 66).

Объективная действительность и практика эксплуатации в средневековье раба рабовладельцем были таковыми, что хозяину часто было выгоднее и удобнее, когда раб имел свое имущество. Но признавать во всех случаях и безоговорочно собственность раба исключительно его собственностью вряд ли возможно. О собственности рабов, видимо, следует говорить, как о разделенной собственности.

Во многих обществах Дагестана труд лагов эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные отселки лагского типа, но без полноты права обладания окрестной территорией на правах собственности. По данным М.А. Агларова в отдельных обществах (Карата и др.) лагов лишали права участия в доле на дальних покосах, откуда следует, что они не рассматривались как совладельцы собственных земель, хотя никто их не лишал права выпаса своего скота на общественных пастбищах (Агларов, 1988: 142).

Полевые исследования дагестанских ученых показали, что в обществах Западного Дагестана военнопленный до определенного времени (в каждом обществе по-разному) жил у хозяина (Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова). Он считался членом семьи. Лаг выполнял различные подсобные работы по указанию хозяина. Д.М. Магомедов полагает, что поскольку лаг считался членом семьи, производство и потребление были совместными, то надо полагать, что он (лаг) фактически выступает как собственник наравне с членами семьи, хотя юридически эти права не были закреплены за ним. Он, как и любой член семьи, был заинтересован в поднятии экономики хозяйства. Зависимость его выражалась в том, что

он выполнял волю своего хозяина. Информаторы сообщают, что лаг считался членом семьи; они совместно трудились и питались, а с течением времени лаг обзаводился семьей. Свадьбу устраивал хозяин. Из пригодной джамаатской земли ему выделяли пахотный участок. Бывали случаи, когда наиболее зажиточные хозяева предоставляли ему скот и даже землю. В основном лагов селили недалеко от основного поселения. Здесь им выделяли землю, они имели право разводить скот и т.д. В результате этого на территории Западного Дагестана возникали новые поселения зависимого сословия. В отдельных сельских обществах лаги жили компактно в одном из кварталов, обычно, на краю аула. В настоящее время во всех почти аулах сохранились названия тухумов зависимого происхождения (Агларов, 1988: 142).

Для иллюстрации приведем уже упоминаемые нами ранее данные языковеда Т.Г. Таймасхановой, что в прошлом, как правило, в каждом кумыкском селении тухумное деление населения было обязательным. Все названия тухумов имеют аффикс множественного числа, т.е. они передают понятие множества людей, например, «бийлер», т.е. «князья», «кьуллар» – «рабы», т.е. тухум рабов. У южных кумыков их еще называли «асилсизлар», т.е. «неблагогородные», в селение Ишкарты их называли «чочгьалар» – «свины», а у северных кумыков – «эшектухум» – тухум ишаков. Т.Г. Таймасханова приводит и такие микроойконимы: «Кьуллараул», т.е. «кьуллар» – «рабы» + «аул» – квартал. Ачаул, т.е. «ач» – голодный +аул» – «квартал голодных» – название квартала в сел. Бойнак, «Кьулланигент» буквально «село рабов» – название пахотного участка в сел. Карабудахкент (Таймасханов, 1989).

Но потомки и таких освобожденных рабов не считались равными с остальной частью населения, на них еще долго оставалось «клеймо» происхождения. Слова М.Б. Лобанова-Ростовского, сказанные в отношении рабов кумыкских владений, о том, что «рабское происхождение, пятно, не вдруг изглаживающееся...» (Лобанов-Ростовский, 1856), в полной мере можно отнести к зависимому населению всего Дагестана, о чем сохранился ряд интересных сведений. Н. Дубровин писал, что «в сел. Корода Гунибского округа, каждую пятницу после службы (в мечети – Авт.) чауши обходят всех потомков рабов. Помни, говорят они при этом каждому, что ты приходишь не от узденя. Освобожденный раб и его потомство, как бы богаты ни были, не имели права резать более трех баранов в год на все семейство, чтобы в этом не сравниться с кровными узденями» (Дубровин, 1871: 626).

В сел. Чох потомки рабов до четвертого колена включительно обязаны были в год один раз угощать всех узденей, живущих на одной улице с ними, и через каждые десять лет при разделе общественных пашен давать с каждого семейства в пользу общества по одному медному котлу ценой 8–10 руб. Обычно один из этих котлов разбивали на мелкие куски, а остальные продавались и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В сел. Мехельта освобожденные рабы и их потомки раз в год должны были на целую ночь уходить из дома. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе (Дубровин, 1871: 626).

Неравноправие рабов выражалось и в других формах. Даже после освобождения за бывших рабов и их потомков не выдавали замуж девушек из других сословий, они часто не допускались на джамаат, их не выбирали на административные должности, они не имели права находиться на годекане, когда там были уздени. В сел. Мути во время молитвы в мечети потомки вольноотпущенников не имели права стоять впереди узденей, если даже они становились учеными-арабистами. А в Цудахарском обществе даже лошадь владельца лагского происхождения не приравнивалась к лошади свободного узденя. Хотя во время скачек она приходила первой, хозяину ее не давали ничего, в то время как победившая лошадь узденя украшалась дорогими тканями и коврами, а хозяин ее получал от джамаата определенный сенокосный участок из общинных земель (Алиев и др., 1970). В сел. Унчукатль во время праздников рабы должны были обслуживать пирующих узденей (Магомедов, 1979: 139). По полевым исследованиям А.М. Агларова, в Гидатле не допускалась (осуждалась) продажа земли лицам лагского происхождения. Лаги, не являлись полноправными членами общины и в юридическом смысле (См.: Агларов, 1988: 142).

Анализ норм обычного права дагестанских народов показывает различное экономическое и правовое положение рабов в Дагестане. Рабы были подвижной прослойкой дагестанского феодального общества. Их продавали, они могли себя выкупить, их иногда отпускали во имя Аллаха. «На ранних порах появления рабства, – писал Ш.М. Ахмедов, –

они адаптировались в коренной род, племя. А в позднее время они пополняли бесправный, зависимый слой дагестанского общества» (Ахмедов).

Рабы могли жить в доме своего хозяина и могли жить отдельно. Так, в приведенных нами выше нормах аварских адатов значится: «Если раб убьет свободного и если этот живет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин... если же раб-убийца живет отдельно от своего господина, то господин платит родственникам убитого только пеню...» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 27). Т.е. здесь мы наблюдаем положение как бы двух типов рабов: раб, лишенный всего, низведенный до положения бесправного члена семьи и раб, имеющий свое подворье, возможно и участок земли, т.е. это – член общины, хотя и в рабской зависимости.

Рабы в Лакии, по данным А.Г. Булатовой, подразделялись на ханские и узденские. «Ханские лаги были доверенными лицами, обязанность которых заключалась... в исполнении полицейских функций, составляя, по всей видимости, ханский аппарат принуждения» (Булатова, 2000: 92).

В более стесненном положении находились лаги, принадлежавшие узденям. В сел. Щара зафиксировано три рабских тухума: Чиргаслагарт, Мугьалтар и Щангилагарт. Здесь наряду с лагами из числа пленных, захваченных во время набегов, фигурируют выходцы из аварского селения Щангада. В сел. Убра рабскими считались тухумы, переселившиеся сюда из Кая, Хойми и др. лакских сел (Булатова, 2000: 93).

Рабов в союзах сельских общин было много, о чем свидетельствует образование из бывших рабов целых рабских по происхождению тухумов. Таковыми по опубликованным полевым данным были тухумы в сел. Муги, в Цудахаре, в Акушинском обществе (Алиев и др., 1970: 179-180).

Известный кавказовед Р.М. Магомедов, ссылаясь на исторические источники, утверждал, что число рабов в Дагестане, в частности в XVIII в. было значительным. «Они имелись у шамхала и его приближенных беков, сала-узденей, должностных лиц, просто узденей...». Ученый приводит основанную на архивных данных «ропись» ясырей из Тарки и Дербента, где фигурируют фамилии 16 рабовладельцев (Магомедов, 1957).

Наличие в феодальном прошлом сложной социальной терминологии, отражавшей имущественное и правовое положение тех или иных слоев населения довольно пестрой социальной стратификации дагестанского общества (что подтверждается, в частности, данными словарей дагестанских народов) свидетельствует само за себя. Такое разнообразие терминов, характеризующих освещаемый нами социальный институт рабства не оставляет сомнения в том, что он существовал в феодальном Дагестане, составляя характерное своеобразие социального развития региона, являясь в то же время одной из вариаций базовой модели рабства на Северо-Восточном Кавказе в целом.

Рабство у вайнахов возникло в общих чертах так же, как и у других горских народов Северного Кавказа. Основными источниками рабства у чеченцев и ингушей были те же самые, что и у большинства горских народов, в частности народов Дагестана. Рабство у вайнахов имело и свои особенности.

Ш.Б. Ахмадов со ссылкой на труд Р.Л. Харадзе и А.И. Рабакидзе пишет, что по истечении определенного времени, если ясырь отслужил своему хозяину, то последний мог наделить его землей с выплатой натуральной ренты. Тем самым ясырь приобретал право «поставить свой собственный дом» и обзавестись семьей. Потомство его именовалось «есар бераш», что означает «дети ясырей»; оно всегда было в долгу перед семьей хозяина и вносило подать за пользование землей, отправляя и личные повинности» (Харадзе, Рабакидзе, 1968: 138; Ахмадов, 2002: 197). В этом, по мнению А.И. Хасбулатова, проявлялась одна из особенностей рабства у горских народов. Бывший раб у горских народов был близок по своему положению к крепостному крестьянину, наделенному землей и обязанному отбывать феодальные повинности (Хасбулатов, 2001: 66).

Еще в 60-е гг. XIX в. А.П. Ипполитов в своем исследовании «Этнографические очерки Аргунского округа» писал, что в горной Чечне «раб, если только разумеется он был мусульманин, считался скорее одним из младших членов семейства, нежели бесправным рабом; он служил старшим членам точно также, как служат и теперь дети отцу, младшие братья старшим и т.д.» (Цит.: Хасбулатов, 2001: 67). Ф.И. Леонтович замечал, что «ясырь может быть выкуплен и возвратиться на родину, тогда, как лай, забывший свое

происхождение, без связей с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение лаев в Чечне, утверждал Ф.И. Леонтович, – есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире» (Леонтович, 1882–1883: 81).

Раб (лай) у чеченцев, – пишет А.И. Хасбулатов, – в классическом понимании этого слова не считался членом общества, а являлся собственностью своего господина, который имел над ним неограниченную власть. Лай мог быть продан, наказан, результаты его труда принадлежали его хозяину (владельцу). Как правило, они не имели своих семей. Их можно было продать, подарить, но убийство их запрещалось общественным мнением (Хасбулатов, 2001: 188). Лай не имел своего жилища, ему разрешалось, согласно преданиям, лишь возводить пристройку к дому своего хозяина. Он не имел права жениться, не имел земли, права голоса и т.д. По преданиям лай не должен был носить оружие. Он не имел права покинуть своего хозяина и переселиться к другому хозяину, хотя и случалось, что лай бежал от жестокого обращения своего хозяина к известному и уважаемому в обществе свободному человеку и искал у него защиты. Однако, последний, взявшись защитить бежавшего к нему лая, мог только вести переговоры с хозяином, чтобы смягчить его гнев и добиться обещания не притеснять более лая, но ни в коем случае не удерживать его у себя, рискуя быть обвиненным в воровстве (Хасбулатов, 2001: 66). Этому свидетельство – следующие данные: в том случае, когда родственники не желали или не имели возможности выкупить ясыря, он превращался в лая и оставался в доме своего хозяина в качестве работника, а через некоторое время получал в аренду участок земли и обзаводился своим собственным хозяйством. Такой ясырь теперь уже именовался лаем. Лаем он именовался и после того, как получал право владения на средства производства (Харадзе, Рабакидзе, 1968: 138-139). Несмотря на бесправие и униженное положение в обществе, быть лаем у чеченцев не считалось постыдным, его самого в этом не обвиняли, – свидетельствовал Ф.И. Леонтович (Леонтович, 1882–1883: 81).

Нельзя не согласиться с Ф.И. Леонтовичем, что все адаты кавказских горцев представляют много сходных черт и, тем не менее, каждая сельская община до сих пор строго придерживается своих домашних обычаев и «потому можно сказать, что нигде не развивался так партикуляризм обычного права, как у кавказских горцев» (Леонтович, 1882–1883: 25).

В XVIII в. среди чеченцев и ингушей «сословие лаев» было немногочисленным», – утверждает Ш.Б. Ахмадов. К концу XVIII столетия оно фиксируется лишь в горной Чечне, в частности в Чеберлое (Ахмадов, 2002: 196). Но и здесь к этому времени «традиционное сословное деление общества в имущественном отношении резко не совпадает с классовым; среди бывших лаев встречались богатые, а среди «оьзда нах» (свободные люди – Авт.) – бедные (Ахмадов, 2002: 269-270). Были случаи, когда лай, например, чеберлоевского селения Цикарой жили богаче, чем «оьзда нах» этого селения. Наблюдались и такие случаи, когда лаи селения Цикарой хотели породниться со «свободными людьми» из селения Макажой, то последние, хотя и были беднее цикароевцев, неохотно соглашались породниться с ними из-за их «низкого происхождения» (Ахмадов, 2002: 269-270).

Приведенный выше материал позволяет нам заключить, что социально-правовое положение категории зависимого населения – лай в Чечне не отличалось от положения лагов Дагестана и унаутов Кабарды. Последние также не имели никаких прав – ни имущественных, ни семейных. Владельцы могли продавать их порознь, отделяя детей от матери, братьев от сестер, могли убить.

По заключению кабардинских историков, в условиях средневековой Кабарды рабство являлось патриархально-родовым пережитком и носило форму домашнего рабства, представляя собой один из укладов в социально-экономической жизни кабардинского общества. Унауты и унаутки не имели семейных прав и не могли без согласия владельца вступать в брак, т.е. лишались личных прав. Дети, рожденные от унаутки, тоже считались унаутами и поступали в собственность ее владельца. Унауткам, по свидетельству архивных источников, дозволялось с согласия владельца иметь временного мужа из унаутов, логанаутов (феодално-зависимые крестьяне – Авт.) и даже уорков (служилое сословие, дружинники – Авт.), но дети, рожденные от такой связи, становились обязательно унаутами. Последние служили предметом торговли (См.: Тхамоков, 1961).

На самой низкой ступени сословной лестницы Осетин находились косаги или рабы. Ими являлись преимущественно крестьяне, приобретенные феодалами путем покупки на

территории Осетии или у соседних народов. Косагами или рабами становились также пленные, захваченные во время войны; они или эксплуатировались в хозяйстве феодала, или продавались ими в другие страны. Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от баделята (феодала. – Авт.), имевшего над ними неограниченную власть. Баделят имел право продать своего косага или просто подарить его кому-либо. Косаги находились в личной зависимости от баделята и никаких прав на землю не имели (*История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, 2005: 129*).

В позднефеодальном Дагестане численность рабов, надо полагать, не была такой уж значительной. На наш взгляд тут абсолютно справедлива мысль, высказанная в докторской диссертации Т.В. Гаджиева (*Гаджиев, 2001: 299-300*), что несмотря на преобладающую роль свободных общинников и их труда во всех отраслях хозяйства и ограниченном, как правило, использовании рабов и их труда в сфере домашних услуг, само присутствие рабства в дагестанском обществе оказывало определенное воздействие на социальную психологию и правосознание всех его членов. Скудность земельных площадей, пригодных для сельскохозяйственного использования, неизбежно приводила к тому, что рабов, не проданных за пределы Дагестана или не выкупленных сородичами, приходилось освобождать за выкуп или даже без него. Потомки рабов, получивших таким образом волю, продолжали жить в тех же общинах, где когда-то осели их предки. Через одно-два поколения они ассимилировались в этнической среде своего обитания. Со временем они образовывали тухумы рабов, которые имелись чуть ли ни в каждом селении. И несмотря на формальную личную свободу лиц, принадлежащих к таким тухумам, они и их тухумы продолжали носить рабское клеймо, что в глазах стороннего наблюдателя порой и создавало преувеличенное впечатление о количестве рабов и о их значении в Дагестане. Так, кроме имущественного положения, в брачных делах серьезную роль играла и сословная принадлежность жениха: если его родители или один из его родителей даже в 7–10-ом поколении являлись рабами, то с ним не обручали свою дочь родители из свободных сословий.

Приведем современные данные, ярко иллюстрирующие это обстоятельство. Из монографии З.М. Гаджимурадовой, посвященной особенностям этнического самосознания современных дагестанцев, следует, что: «По исторически сложившимся причинам «лаги» и «козаки», как их называют в народе, – бывшие пленники-рабы (русские, грузины, адыги и т.д.), постепенно ассимилировавшие с местным населением, но в общественном сознании сохранившие свой статус «рабов» или «ишаков» («гъама», авар.). Представители таких родов, пишет она, – уже с подросткового возраста чувствуют свою ущемленность, неполноценность, психологическую нестабильность, так как о них говорят, что «он (она) из «плохого рода».

«Я бы дал снять с себя три слоя кожи, лишь бы снять это клеймо с себя и со своего рода», – с горечью выразил свое напряжение по поводу своей «сословной принадлежности» член такого рода, житель аула Верхнее Инхо Гумбетовского района Республики Дагестан. У членов «низших» родов обычно появляются проблемы при женитьбе, так как они не могут выбрать себе супругу или супруга из более «высших» родов. «Я не смог жениться на девушке, которую люблю до сих пор, так как она из рода высокого, а я из «козаков»! Она для меня недосыгаема. И сейчас я чувствую себя ничтожным, хотя купил машину, дом в Махачкале, заработал кучу денег, открыл фирму. И детей моих ждет та же участь», – свидетельствовал уроженец Гумбетовского района М.М., 30 лет (г. Махачкала, 20 мая, 2000 г.) (*Гаджимагомедова, 2002: 85, 168*).

Житель аула М.М. из «узденского» рода (аул Чиркей Буйнакского р-на, 1991 г.) вступил в отношения с девушкой этого же аула А.П. «лагского происхождения». Представителей этого рода в народе называют «рабами» или «х/ама» (ишаками). Брат девушки, узнав об этом, стал выслеживать М.М. Жители села уговаривали М.М. и его родителей узаконить их отношения, на что мать парня возмущенно ответила: «Не хватало нам еще в доме двуногого ишака», – тем самым открыто оскорбив весь род этой девушки. Брат девушки выследил М.М. и застрелил его, потом добровольно сдался властям. Девушка А.П. тоже бесследно исчезла. Предполагается, что ее убили ее же братья за позор и бесчестие, которое она принесла семье и роду».

После этого аул разделился на две противоборствующие стороны, поджигая и взрывая дома друг друга. Джамааты близлежащих сел вмешались в это безумие, стараясь примирить

стороны. «Окончательное примирение не состоялось, между обоими родами продолжается стойкое противостояние, за которым стоит возможно акт новой кровной мести, который обязанностью ложится на плечи родных братьев и ближайших родственников по отцовской линии (Записано в ауле Чиркей Буйнакского р-на, 25 июня 1995. Инф. Гаджиев Али, 40 лет)» (Гаджимагомедова, 2002: 85, 168).

С другой стороны, существует немало примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия лагов своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине (Агларов, 1988: 143).

4. Заключение

Предпринятая нами попытка осветить некоторые аспекты социально-правового статуса рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа в контексте норм обычного права и религиозных воззрений не претендует на исчерпывающее решение этого достаточно дискуссионного вопроса. Тем не менее, приведенный выше материал позволяет:

- показать ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение этой категории зависимого населения на сословной лестнице народов Северо-Восточного Кавказа в позднее Средневековье;

- осветить процессы трансформации форм зависимости рабов на различных этапах истории и в зависимости от географии бытования института рабства в регионе;

- подметить множество сходных черт и особенностей этого социального явления не только в сопредельных владениях Северо-Восточного Кавказа, но и в средневековом Русском государстве, а также на мусульманском Востоке, констатируя тем самым, что освещаемый институт, составляя характерное своеобразие социального развития региона, в то же время являлся одной из вариаций базовой модели рабства на Кавказе в целом и не только.

Литература

[Адаты Дагестанской области...](#), 1899 – Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления / Под ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис: тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1899. 622 с.

[Адаты даргинских обществ, 1873](#) – Адаты даргинских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах (Далее – ССКГ). Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-128.

[Адаты южнодагестанских обществ, 1875](#) – Адаты южнодагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. III. С. 1-75.

[Агларов, 1988](#) – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 237 с.

[Акбиев, 1998](#) – *Акбиев А.* Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 1998. 339 с.

[Алиев и др., 1970](#) – *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. 236 с.

[Ахмадов, 2002](#) – *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 528 с.

[Ахмедов](#) – *Ахмедов Ш.М.* Рабство в Дагестане // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.

[Бахтанов, 1863](#) – *Бахтанов И.М.* Чирка или аул Чиркей // *Кавказ*. 1863. № 29–30.

[Булатова, 2000](#) – *Булатова А.Г.* Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000. 387 с.

[Гаджиев, 2001](#) – *Гаджиев Т.В.* Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 443 с.

[Гаджимагомедова, 2002](#) – *Гаджимагомедова З.М.* Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного наследования этностереотипов старшего и молодого поколения аварцев и кумыков). Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2002. 158 с.

[Гарданов, 1960](#) – *Гарданов В.Г.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // *Советская этнография*. 1960. № 5. С. 12–29.

[Дубровин, 1871](#) – *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.

[Ингрэм, 2011](#) – *Ингрэм Дж.* История рабства от древнейших до новых времен / Перевод с английского З.Н. Журавской. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 336 с.

[Из истории права народов Дагестана, 1968](#) – *Из истории права народов Дагестана.* Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1968. 238 с.

[Иноземцева, 2014](#) – *Иноземцева Е.И.* Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений // *Исламоведение*. 2014. № 4. С. 43–51.

[История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, 2005](#) – *История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева.* Сб. статей и документов / Выявление, археология, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: «Эль-фа», 2005. 904 с.

[Комаров, 1868](#) – *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. II. С. 1–79.

[Леонтович, 1882–1883](#) – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Ульриха), 1882–1883. Вып. 1–2. 437 с.

[Лобанов-Ростовский, 1856](#) – *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1856. № 37.

[Магомедов, 1971](#) – *Магомедов Р.М.* Исторические этюды. Вып. II. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 2. 269 с.

[Магомедов, 1957](#) – *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.

[Магомедов, 1979](#) – *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана: [Выписки из полевых дневников]. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. 2. 155 с.

[Мансуров, 1995](#) – *Мансуров Ш.М.* Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала: Юпитер, 1995. 250 с.

[Османов, 1960](#) – *Османов Г.Г.* О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // *Ученые записки ИИЯЛ.* (Далее – УЗ ИИЯЛ). Махачкала, 1960. Т. VIII. С. 151–154.

[Памятники обычного права Дагестана..., 1965](#) – *Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / Сост., предисловие и примечания Х.-М. Хашаева.* М.: Наука, 1965. 279 с.

[Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова](#) – Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1.

[Рамазанов, 1962](#) – *Рамазанов Х.Х.* К вопросу о рабстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1961. Т. IX. С. 155–162.

[Рамазанов, 1962](#) – *Рамазанов Х.Х.* Крестьянская реформа в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1962. Т. X. С. 5–21.

[Рабство в странах Востока в средние века, 1986](#) – *Рабство в странах Востока в средние века.* М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1986. 502 с.

[Саидов, 1964](#) – *Саидов И.М.* Земледелие и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // *Известия ЧИНИИИЯЛ.* Грозный, 1964. Т. 4. Вып. 1. История. С. 163–164.

[Таймасханов, 1989](#) – *Таймасханов Т.Г.* Сословные термины в кумыкской ономастике // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 112–128.

[Тотоев, 1969](#) – *Тотоев Ф.В.* Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.) // *Известия ЧИНИИИЯЛ.* Т. 8. Вып. 1. История. Грозный, 1969.

[Тхамоков, 1961](#) – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. 202 с.

[Фроянов, 1965](#) – *Фроянов И.Я.* О рабстве в Киевской Руси // *Вестник ЛГУ.* Т. 12. Вып. 1. 1965. Т. 12. Вып. 1. С. 83–93.

[Хасбулатов, 2001](#) – *Хасбулатов А.И.* Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. 238 с.

[Харадзе, Рабакидзе, 1968](#) – *Харадзе Р.Л., Рабакидзе А.Н.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии // *Кавказский этнографический сборник*. Тбилиси, 1968. Ч. 2.

[Центральный государственный архив Республики Дагестан](#) – Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а.

[Шихалиев, 1993](#) – *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и коммент. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала: Даг кн. изд-во, 1993. 140 с.

[Шихсаидов, 1975](#) – *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. 173 с.

[Энциклопедический словарь..., 1903](#) – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрона, 1903.

[Inozemtseva, 2017](#) – *Inozemtseva E.I.* To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 31-41. DOI: 10.13187/slave.2017.1.31

[Mamadaliyev, Degtyarev, 2017](#) – *Mamadaliyev A.M., Degtyarev S.I.* Serfdom and Serfdom of Peasants in the Russian State: Comparative Analysis // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 7-17. DOI: 10.13187/slave.2017.1.7

References

[Adaty Dagestanskoj oblasti..., 1899](#) – *Adaty Dagestanskoj oblasti Zakatal'skogo okruga: sudoustrojstvo i sudoproizvodstvo vchastyah Kavkazskogo kraja voenno-narodnogo upravleniya* [Atads of the Dagestan region and Zakatal district: judiciary and legal proceedings in parts of the Caucasus of the people's military government]. Pod red. I.Ya. Sandrygajlo. Tiflis: tip. kanc. glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1899. 622 p. [in Russian]

[Adaty darginских obshchestv, 1873](#) – *Adaty darginских obshchestv* [Adats of the Dargin communities]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Tiflis, 1873. Vyp. VII. Pp. 1-128. [in Russian]

[Adaty yuzhnodagestanskih obshchestv, 1875](#) – *Adaty yuzhnodagestanskih obshchestv* [Adats of the South-Dagestan communities]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Tiflis, 1875. Vyp. III. Pp. 1-75. [in Russian]

[Aglarov, 1988](#) – *Aglarov, M.A.* (1988). *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.* (Issledovanie vzaimootnoshenij form hozyajstva, social'nyh struktur i etnosa). [Rural communities in Nagorny Dagestan in the 17th – early 19th century (The study of the relationship of economic forms, social structures and ethnos)]. M.: Nauka, 237 p. [in Russian]

[Ahmadov, 2002](#) – *Ahmadov, Sh.B.* (2002). *Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX veka.* (Ocherki social'no-ekonomicheskogo razvitiya i obshchestvenno-politicheskogo ustrojstva Chechni i Ingushetii v XVIII – nachale XIX veka). [Chechnya and Ingushetia in the 18th – 19th centuries. (Studies of the socio-economic development and socio-political system of Chechnya and Ingushetia in the 18th – early 19th c.)]. Elista: APP «Dzhangar», 528 p. [in Russian]

[Ahmedov – Ahmedov, Sh.M.](#) *Rabstvo v Dagestane* [Slavery in Dagestan]. *Nauchnyj arhiv IIAE DFIC RAN*. F. 3. Op. 2. D. 287. [in Russian]

[Akbiev, 1998](#) – *Akbiev, A.* (1998). *Obshchestvennyj stroj kumykov v XVII–XVIII vv.* [Social structure of the Kumyks in the 17th – 18th centuries]. *Mahachkala*, 339 p. [in Russian]

[Aliev i dr., 1970](#) – *Aliev, B., Ahmedov, Sh., Umahanov, M.-S.* (1970). *Iz istorii srednevekovogo Dagestana* [From the history of the medieval Dagestan]. *Mahachkala*, 236 p. [in Russian]

[Bahtanov, 1863](#) – *Bahtanov, I.M.* (1863). *Chirka ili aul Chirkej* [Chirka or Aul Chirkei]. *Kavkaz*. 1863. № 29-30. [in Russian]

[Bulatova, 2000](#) – *Bulatova, A.G.* (2000). *Lakcy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX vv.)*. [The Laks. Historical and ethnographic research (19th – early 20th c.)]. *Mahachkala*, 387 p. [in Russian]

[Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central state archive of the Dagestan Republic]. F. 120. Op. 2. D. 71a. [in Russian]

[Dubrovin, 1871](#) – *Dubrovin, N.* (1871). *Istoriyavojny i vladychestva russkih na Kavkaze* [The history of war and domination of Russians in the Caucasus]. SPb., T. 1. Kn. 1. 656 p. [in Russian]

[Enciklopedicheskij slovar'..., 1903](#) – *Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i A.I. Evfrona* [Encyclopedic dictionary by F.A. Brokgaus and A.I. Evfron.]. SPb., 1903. T. 74. 520 p. [in Russian]

- Froyanov, 1965** – *Froyanov, I.Ya.* (1965). O rabstve v Kievskoj Rusi [Slavery in the Kiev Rus]. *Vestnik LGU*. T. 12. Vyp. 1. T. 12. Vyp. 1. Pp. 83–93. [in Russian]
- Gadzhiev, 2001** – *Gadzhiev, T.V.* (2001). Gosudarstvo, obshchestvoipravo v Dagestane (do vtorojchetverti XIX v.). [State, society and law in Dagestan (until the 2nd quarter of the 19th c.)]. *Dis. ... d-raist. nauk. M.*, 443 p. [in Russian]
- Gadzhimagomedova, 2002** – *Gadzhimagomedova, Z.M.* (2002). Etnicheskoe samosoznanie dagestancev na poroge XXI veka (na material sravnitel'nogo nasledovaniya etnostereotipov starshogo imolodogo pokoleniya avarcev I kumykov) [Ethnic identity of the Dagestan peoples on the threshold of the 21st century (based on the material of the comparative succession of the ethnic stereotypes among the elder and younger generations of the Avars and the Kumyks)]. *Mahachkala: Izd-vo «Yupiter»*, 158 p. [in Russian]
- Gardanov, 1960** – *Gardanov, V.G.* (1960). Obychnoe parvo kak istochnik dlya izucheniya social'nyh otnosheni jnarodov Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX v. [Customary law as a source for studying the social relations of the peoples of the North Caucasus in the 18th – early 19th centuries]. *Sovetskaya etnografiya*. 1960. № 5. Pp. 12–29. [in Russian]
- Haradze, Rabakidze, 1968** – *Haradze, R.L., Rabakidze, A.N.* (1968). Harakter soslovnih otnoshenij v gornoj Ingushetii [The nature of class relations in the highland Ingushetia]. *Kavkazskij etnograficheskij sbornik*. Tbilisi, Ch. 2. [in Russian]
- Hasbulatov, 2001** – *Hasbulatov, A.I.* (2001). Ustanovlenie rossijskoj administracii v Chechne (II pol. XIX – nach. XX v.). [Establishment of the Russian administration in Chechnya (2nd half of the 19th – early 20th c.)]. *M.: Rus'*, 238 p. [in Russian]
- Ingrem Dzh., 2011** – *Ingrem, Dzh.* (2011). Istoriya rabstva ot drevnejshih do novyh vremen [The history of slavery from the ancient times to present days]. *Perevod s anglijskogo Z.N. Zhuravskoj*. Izd. 2-e. *M.: Knizhnyjdom «Librokom»*, 336 p. [in Russian]
- Inozemceva, 2014** – *Inozemceva, E.I.* (2014). Rabstvo v srednevekovom Dagestane v kontekste religioznych vozzrenij [Slavery in the medieval Dagestan within the context of religious beliefs]. *Islamovedenie*. № 4. Pp. 43–51. [in Russian]
- Inozemtseva, 2017** – *Inozemtseva, E.I.* (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 31–41. DOI: 10.13187/slave.2017.1.31
- Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva, 2005** – *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva* [The history of Kabardino-Balkaria in G.A. Kokiev's works]. *Sb. Statej i dokumentov. Vyyavlenie, arheologiya, sostavlenie, vstupitel'nayastat'ya G.H. Mambetova. Nal'chik: «El'-fa»*, 2005. 904 p. [in Russian]
- Iz istorii prava narodov Dagestana, 1968** – *Iz istorii i prava narodov Dagestana* [From the history of the Dagestan peoples' law]. *Materialy i dokumenty*. *Sost. A.S. Omarov*. *Mahachkala: Dagestanskij filial AN SSSO*, 1968. 238 p. [in Russian]
- Komarov, 1868** – *Komarov, A.V.* (1868). Adaty I sudoproizvodstvo po nim [Adats and legal proceedings based on them]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Tiflis, Vyp. I. II. Pp. 1–79. [in Russian]
- Leontovich, 1882–1883** – *Leontovich, F.I.* (1882–1883). Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo I Vostochnogo Kavkaza [Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on customary law of the North and the East Caucasus]. *Odessa: Tip. P.A. Zelenogo (b. Ul'riha)*, 1882–1883. Vyp. 1–2. 437 p. [in Russian]
- Lobanov-Rostovskij, 1856** – *Lobanov-Rostovskij, M.B.* (1856). Kumyki, ihnravy, obychai i zakony [Kumyks: traditions, customs and laws]. *Kavkaz*. № 37. [in Russian]
- Magomedov, 1957** – *Magomedov, R.M.* (1957). Obshchestvenno-ekonomicheskij I politicheskij jstroj Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov. [Socio-economic and political system in Dagestan in the 18th – early 19th c.]. *Mahachkala: Dagknigoizdat*, 408p. [in Russian]
- Magomedov, 1971** – *Magomedov, R.M.* (1971). Istoricheskie etyudy [Historical etudes]. *Vyp. II*. *Mahachkala: Dagknigoizdat*, Vyp. 2. 269 p. [in Russian]
- Magomedeo, 1979** – *Magomedov, R.M.* (1979). Po aulam Dagestana: [Vypiski iz polevyh dnevnikov]. [Across the Dagestan auls: [excerpts from the field diary]]. *Mahachkala: Daguchpedgiz*, Vyp. 2. 155 p. [in Russian]
- Mansurov, 1995** – *Mansurov, Sh.M.* (1995). Salataviya (Social'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya v konce XVIII – pervojpolovine XIX v.). [Salataviya (Socio-economic and

political history in the end of the 18th – first half of the 19th c.]). Mahachkala: Yupiter, 250 p. [in Russian]

Osmanov, 1960 – *Osmanov, G.G.* (1960). O social'nom stroe Dagestana v konce XVIII – nachale XIX vv. [On the social order of Dagestan in the 18th – early 19th c.]. *Uchenye zapiski IYYAL. (Dalee – UZ IYYAL)*. Mahachkala. T. VIII. Pp. 151-154. [in Russian]

Pamyatniki obychnogo prava Dagestana..., 1965 – Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv.: arhivnye materialy [Monuments of the customary law of the 17th – 19th century Dagestan: archive materials]. M.: Nauka, 1965. 279 p. [in Russian]

Polevoj material 1978 g. D.M. Magomedova – Polevoj material 1978 g. D.M. Magomedova [D.M. Magomedov's field material of 1978]. Nauchnyj arhiv IIAE DFIC RAN. F. 1. Op. 1. [in Russian]

Rabstvo v stranah Vostoka v srednieveka, 1986 – Rabstvo v stranah Vostoka v srednieveka. [Slavery in the countries of the East in the 18th – 19th c.]. M.: Nauka, Glavnaya redakciya Vostochnoj literatury, 1986. 502 p. [in Russian]

Ramazanov, 1962 – *Ramazanov, H.H.* (1962). K voprosu o rabstve v Dagestane [On the issue of slavery in Dagestan]. *UZ IYYAL*. Mahachkala: Dag. FAN SSSR, 1961. T. IX. Pp. 155–162. [in Russian]

Ramazanov, 1962 – *Ramazanov, H.H.* (1962). Krest'yanskaya reforma v Dagestane [Peasant reform in Dagestan]. *UZ IYYAL*. Mahachkala: Dag. FAN SSSR, T. X. Pp. 5-21. [in Russian]

Saidov, 1964 – *Saidov, I.M.* (1964). Zemledelie i zemlepol'zovanie u chechencev i ingushej v XVIII–XIX vv. [Agriculture and land tenure of the Chechens and Ingush people in the 18th – 19th c.]. *Izvestiya CHINIIYYAL*. Groznyj. T. 4. Vyp. 1. Istoriya. Pp. 163-164. [in Russian]

Shihaliyev, 1993 – *Shihaliyev, D.-M.* (1993). Rasskaz kumyka o kumyках [A story of a Kumyk about Kumyks]. Sost., predisl. i komment. S.Sh. Gadzhievoy. Mahachkala: Dag kn. izd-vo, 140 p. [in Russian]

Shihsaidov, 1975 – *Shihsaidov, A.R.* (1975). Dagestan v X–XIV vv. Opytsocial'no-ekonomicheskoy karakteristiki [Dagestan in the 10th – 14th c. The experience of socio-economic characteristics]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 173 p. [in Russian]

Tajmaskhanov, 1989 – *Tajmaskhanov, T.G.* (1989). Soslovnye terminy v kumykskoj onomastike [Class terminology in the Kumyk onomastics]. *Social'naya terminologiya v yazykah Dagestana* Mahachkala. Pp. 112-128. [in Russian]

Thamokov, 1961 – *Thamokov, N.H.* (1961). Social'no-ekonomicheskij i politicheskij stroj kabardincev v XVIII veke [Socio-economic and political system of the Kabardians in the 18th century]. *Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo*, 202 p. [in Russian]

Totoev, 1969 – *Totoev, F.V.* (1969). Razvitie rabstva i rabotorgovli v Chechne (vtoraya polovina XVIII – 40-egg. XIX v.) [Evolution of slavery and slave trading in Chechnya (2nd half of the 18th – 40s' of the 19th c.)]. *Izvestiya CHINI IYYAL*. T. 8. Vyp. 1. Istoriya. Groznyj. [in Russian]

Особенности социально-правового статуса рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа через призму обычного права и религиозных воззрений

Елена Ивановна Иноземцева ^{a, *}

^a Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть бытование рабства в позднее Средневековье через призму обычного права и основных монотеистических религий, осветить ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение одной из категорий зависимого населения феодального Дагестана и сопредельных владений Северо-Восточного Кавказа, несущей в себе социальное содержание понятия «раб».

Ключевые слова. Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, обычное право – адат, Коран, Ислам, шариат, раб, кул, ясырь, лай.

* Корреспондирующий автор

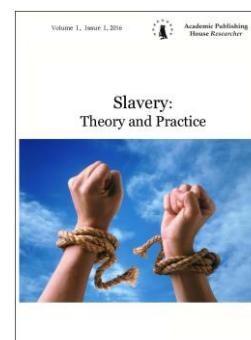
Адреса электронной почты: ljuma78@mail.ru (Е.И. Иноземцева)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 20-28

DOI: 10.13187/slave.2019.1.20
www.ejournal43.com

Modern Slavery in India: the Essence, Forms, Distribution

Violetta S. Molchanova ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article gives an overview of the state of modern slavery in India. It presents its essence, describes the forms, including trafficking of women and children, child labor, organ trafficking. The article discusses the spread and consequences of this phenomenon, describes the use of modern slavery in the production/import of goods. The authors analyze in detail the statistics of crimes committed against registered cases of human trafficking. Separately, the cases of crimes registered under the article "crimes against women" are presented.

It is specified that girls and women are the main targets of immoral trafficking in India. The authors of the article note that in terms of modernization, the commercial sexual exploitation of women and children for prostitution has changed.

The features of intermediary interactions in the process of smuggling people are revealed.

In conclusion, the authors state that the continuing crimes against people in the form of modern slavery have confirmed the need of operating regulation of government agencies, and employment agencies that are involved in the financial exploitation and emotional trauma of victims.

Keywords: modern slavery, slave trade, India, smuggling, industry, sexual exploitation, Labour, exploitation of women and children.

1. Introduction

According to findings in the Global Slavery Index, published by the Australia-based Walk Free Foundation, there are about 18.3 million people living in modern slavery in India. India was ranked 53rd among the 167 countries that were surveyed in the study. With a population of 1.3 billion people, India has the largest number of slaves in absolute terms, followed by China, Pakistan, Bangladesh and Uzbekistan. However, the Index has found out that India ranks fourth in terms of prevalence of slavery as a percentage of the total population – at 1.4 % – after North Korea, Uzbekistan and Cambodia ([Global Slavery Index, 2018](#)).

The prevalence of slavery in India, as it is the case in other countries located in Asia-Pacific, is largely linked with the economy's dependence on low skilled and cheap labor.

This paper places the spotlight on the issue of modern slavery and human trafficking in India, the nature, forms, methods that feed the spread of the phenomenon. The term "modern slavery" refers to trafficking in people (including child slavery), forced labor, debt bondage, forced marriage and any other types of relations that violates the fundamental principle of equality and the universal right to liberty and dignity ([Slavery in India; Harding, 2019](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

2. Materials and methods

2.1. The materials used in our study were provided by journal publications and monographs of researchers such as K. Bales, G. Calandruccio, E. Harding, C. Joffres et al., Kaamila Patherya, A.I. Laxman, A. Nisar and others, official websites of various agencies in India and the US.

The historical background of the phenomenon of slavery and studying the issues of evolution of the Institution of the slave trade in various regions was carried out by scientists A.A. Cherkasov, M.G. Ivantsov, M. Šmigel', S.N. Bratanovskii, V.S. Molchanova, S.V. Nazarov, V.V. Nazarova (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2018; Nazarov, Nazarova, 2018).

2.2. The study is accomplished using a variety of general research methods such as analysis, synthesis, comparison, specialization, etc.

3. Discussion

Human trafficking or modern slavery is described by the US Department of State as “an act of recruiting, harboring, transporting, providing or obtaining a person for compelled labor or commercial sex acts through the use of force, fraud, or coercion”. Human trafficking is one of the most acute problems in India. No targeted study has been carried out so far to identify the exact number of children who have been trafficked in India. According to The New York Times, human trafficking is a widespread issue in India, especially in the state of Jharkhand. The authors report that young girls are transported to India from neighboring Nepal. There are numerous causes behind human trafficking, and despite 6 decades of independence, the benefits of economic development fail to penetrate the marginal segments of society, and millions of people still live below the poverty line (Laxman, Nisar, 2018).

Slavery is illegal everywhere in the world, yet more than twenty-seven million people are still trapped in one of the oldest social institutions in history. The work by K. Bales investigates the conditions of slaves in Mauritania, Brazil, Thailand, Pakistan and India. The paper reveals the tragic emergence of the phenomenon of “new slavery”, which is inherently connected with the global economy. Kevin Bales writes that new slaves are not long-term investment, as was characteristic of the older forms of slavery. Instead, they are cheap, do not require special care and are a “disposable” material (Bales, 2012). The population explosion over the past three decades has flooded global labor markets with millions of destitute and desperate people. Dynamic economic changes in developing countries gave rise to corruption and violence, while destroying social rules that could once protect the most vulnerable groups.

Asia and the Pacific has the highest number of people living as modern slaves. Almost 46 % of cases of people smuggling are registered in this region. Of these, 83 % are men, and around 17 % are women (Shreya Mittal, Sukanya Bhattacharyya).

Trafficking in women and children is a gross violation of human rights (Nazarov, Nazarova, 2018). However, the fact remains that approximately 800 thousand women and children are annually trafficked across international borders. 80 % of trafficking victims are women forced into prostitution. A study by S. Joffres et al. listed India as one of the Asian countries where human trafficking for commercial sexual exploitation has reached worrisome levels. While schemes of domestic trafficking from one state of the country to another are actively operating, India also acts as an international supplier of children and women smuggled to the Gulf States and South East Asia, as well as a destination country for women and girls sold into commercial sexual exploitation from Nepal and Bangladesh. Human trafficking for the purpose of commercial sexual exploitation is a highly profitable and low-risk business that feeds on particularly vulnerable groups (Joffres et al., 2008).

More than 300 thousand people in India experience bonded labor, with 4.2 million coerced into domestic work. According to the source, 8 % of boys and 14 % of girls are beggars, and 3 million women are enslaved in prostitution, of whom 1.2 million are under age. In addition, half of Indian women are forced to marry and then exploited as free laborers (Shakti, 2004).

Table 1 features cases of offences registered under the “crimes against women” article in the period from 2011 to 2015. In 2015, the figure went down by 3.1 % as compared to 2014 and rose by 43.2 % as compared to 2011.

Table 1. Crime cases registered under the Crime against women article in 2011–2015

No.	Crimes	Years					Percentage variation in 2015 over 2014
		2011	2012	2013	2014	2015	
1	Rape	24,206	24,923	33,707	36,735	34,651	-5.7
2	Attempt to commit rape	-	-	-	4,232	4,434	4.8
3	Abduction of women	35,565	38,262	51,881	57,311	59,277	3.4
4	Dowry death ¹	8,618	8,233	8,083	8,455	7,634	-9.7
5	Assault on women with intent to outrage their modesty/offences against chastity	42,968	45,351	70,739	82,235	82,235	0.2
6	Insult to the modesty of women	8,570	9,173	12,589	9,735	8,685	-10.8
7	Cruelty by husband and his relatives	99,135	106,527	118,866	122,877	113,403	-7.7
8	Importation of girl from foreign country	80	59	31	13	6	-53.8
9	Abetment of suicide of women	-	-	-	3,734	4,060	8.7

According to 2013 data, New Delhi has reported the highest rape rate among Indian cities. In 2012, an average of four rapes were registered in the city. New Delhi is the most unsafe location with the highest rape rate (1,636 people), followed by Mumbai (391), Jaipur (192) and Pune (171). Madhya Pradesh has recorded the maximum rapes as compared to other states, with 11 rapes per day on average. Madhya Pradesh (4,335 cases) was followed by Rajasthan (3,285 cases), Maharashtra (3,063 cases) and Uttar Pradesh (3,050 cases).

Statistics reveal that 93 women are raped in the country every day. The fact is that most offenders – 31,807 (94 %) – were known to the victims, and the figure includes neighbors (10,782), other known persons (18,171), relatives (2,315) and parents (539). It is also pointed out that the age of the victims ranges between 18 and 30 (15,556) and 14 and 18 (8,877) (Philip, 2014).

Most of the violations committed are not recorded by competent bodies. According to Madihi Kark, 54 % of sexual assaults are not reported, while Mihir Srivastava gives 90 % of unreported rapes in India (Khan).

The National Crime Records Bureau (NCRB) found out that police investigations and legal proceedings related to human trafficking are becoming increasingly common. In 2016, the police arrested a gang of five people on charges of human trafficking, and in 2017 a court in southern India succeeded in sentencing a brick shop owner to several years in prison and a fine of 16 thousand rupees (\$ 246.59) for trafficking in and exploiting workers. However, a variety of factors still discourage victims from seeking justice, such as limited access to justice systems in rural or isolated areas, as well as high costs and uncertainties associated with delays in legal proceedings. In addition, a major challenge in efforts to criminalize human trafficking or bonded labor is the absence of integrated law enforcement systems to investigate and prosecute offenders in different Indian states which leads to the lack of thorough investigations into human smuggling networks in various states (Global Slavery Index, 2018; India..., 2016; Santhosh Kumar, 2016).

¹ Dowry death are deaths of married women who are murdered or driven to suicide by continuous harassment and torture by their husbands and in-laws over a dispute about their dowry. Dowry deaths are found predominantly in India, Pakistan, Bangladesh and Iran.

The NCRB publishes that in 2014 there were about 5.5 thousand cases of human slavery reported in India. Human trafficking surged by 92 % in six years in 2014, IndiaSpend registers in August 2015 (IndiaSpend, 2015).

Trafficking in people for commercial sexual exploitation

Human trafficking for commercial sexual exploitation is escalating. West Bengal, Andhra Pradesh, Karnataka, Maharashtra and Odisha are still listed as top human trafficking sources in India. The data on missing girls in these states is very high. In terms of modernization, the commercial sexual exploitation of women and children for prostitution has evolved. The business has mushroomed and obtained much more organization, with services provided on demand. Sex trade operators expanded their “coverage areas” and, along with providing services in residential areas, markets, shopping malls, targeted various types of clubs, escort services, massage parlors, spas, disco bars, beer bars, etc. This drives profits to the maximum, as well as facilitates access to wealthy customers. Traffickers actively advertise their services in newspapers and on the Internet. Deals are sealed using the phone and transactions are carried out via the Internet. Such agencies are operating throughout the country, and although the police are making attempts to stop the activity, the business continues to expand (UNTOC, 2013).

The trade in minor girls – the second most prevalent crime in India – has risen 14 times since 2004 and grown by 65 % as of 2014, according to new data released by the NCRB. In 2014, the number reached 2020 people (Figure 1).

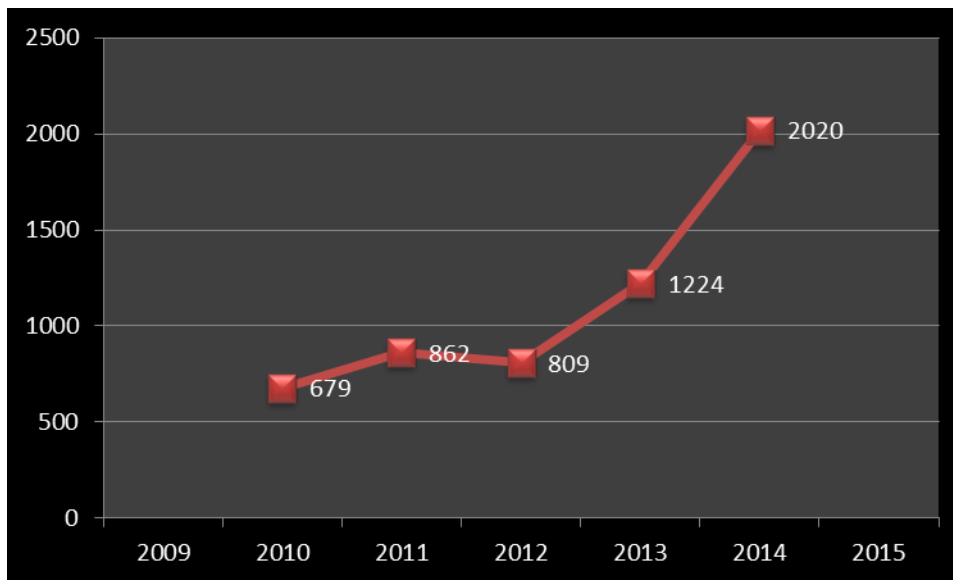

Fig. 1. Trends in procurement of minor girls

Source: IndiaSpend, 2015

Girls and women are the main targets of immoral human trafficking in India, accounting for 76 % of human trafficking cases across the country over a decade, the NCRB data (2009–2014) reveals (NCRB; Kaamila Patherya, 2017).

Other recorded cases of trafficking include the sale of girls for prostitution, the importation of girls from other countries and the purchase of girls for prostitution (as of 2015).

Sexual exploitation of women and children for earning profits takes place in various forms, including in brothels, sex tourism industry and pornography.

Official estimates show that 8,099 people were sold all over India in 2014 (IndiaSpend, 2015).

Figure 2 demonstrates trends in transporting girls from foreign countries in the period from 2010 to 2014.

According to the UN report, traffickers import women and girls from various Indian states, as well as from Ukraine, Georgia, Kazakhstan, Uzbekistan, Azerbaijan, Chechnya, Kyrgyzstan, Nepal, Thailand, Malaysia and Thailand (UNTOC, 2013).

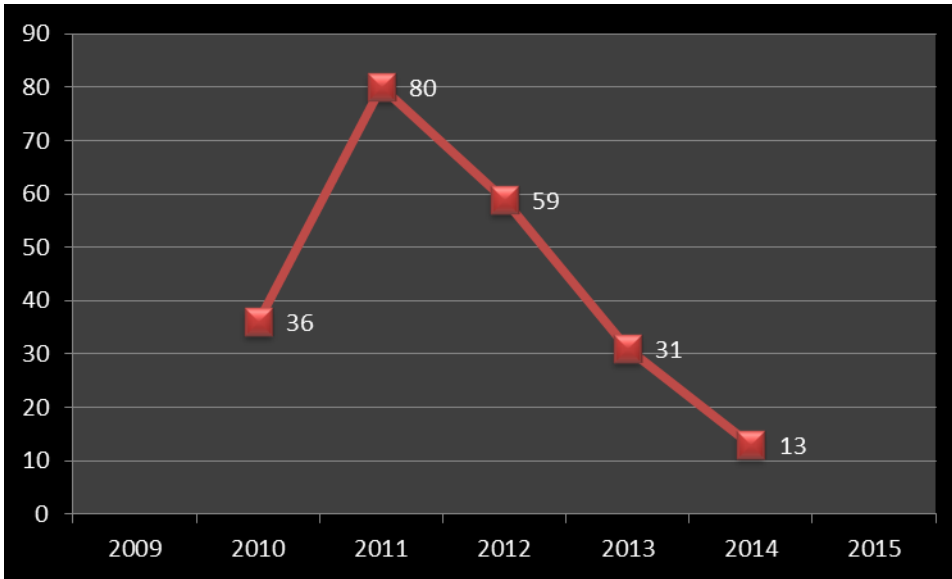

Fig. 2. Trends in the importation of girls from foreign countries
 Source: [IndiaSpend, 2015](#)

[Figure 3](#) highlights dynamics in sales of minors for the purpose of prostitution. In 2013, the figure of 82 victims fell by 42 points as compared to 2009.

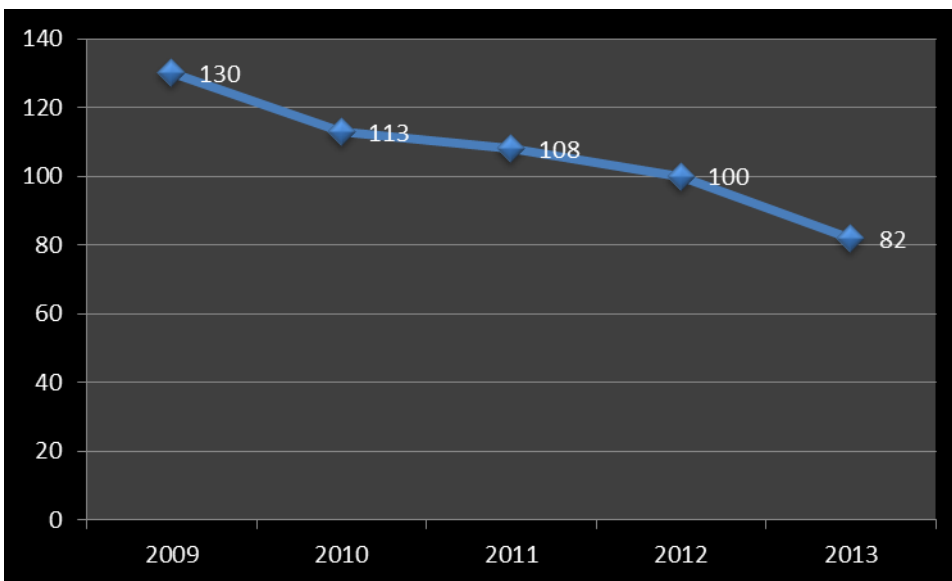

Fig. 3. The sale of minors for prostitution
 Source: [IndiaSpend, 2015](#)

The purchase number for minors bought for prostitution in 2013 amounted for 14 victims ([Figure 4](#)).

Sources indicate that the statistics are only based on officially reported crimes and data from various agencies and bodies.

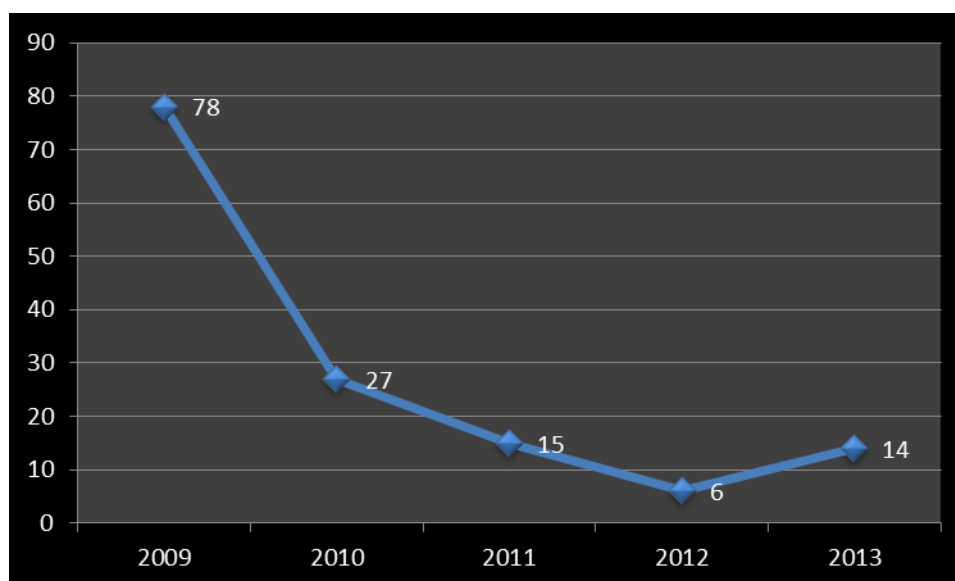

Fig. 4. The purchase of minors for prostitution
Source: [IndiaSpend, 2015](#)

Forced marriages

Around half of Indian women are forced to marry before they are 18, the minimum age legally set forth for marriage, and then they are coerced to work as unpaid laborers. According to a survey conducted by the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) in May 2013, over 9,000 married women were sold from the states of Assam and West Bengal to Haryana. The survey, comprising more than 10 thousand households, has showed that people who buy brides usually deny it ([Shreya Mittal, Sukanya Bhattacharyya](#)).

Child labor and trafficking in children

Various parts in India demonstrate an increasing trend of migration and trafficking in children. Forced by a combination of social and economic factors, the majority of children migrate from economically backward regions to large cities in search of employment. Children most often fall prey to criminal networks and are taken out by intermediaries and agents who have direct relations with employers in the city. Parents are typically given meagre advance payments and false assurances about profitable jobs, etc. In fact, the children are heavily exploited: excessively long working hours, miserable wages, unsanitary environments and harsh workplace conditions. The children mainly work in industries such as zari making (gold thread work), jewelry production, domestic chores, dhabas (local highway restaurants), tea shops, etc. Children very often live in the workplaces and, therefore, have no freedom of any kind. There are cases of child migration or trafficking for work from neighboring countries, such as Nepal and Bangladesh. Being so far from their families, these children are extremely vulnerable to all forms of abuse, including physical and sexual harassment ([UNTOC, 2013](#); [Global Research..., 2016](#); [Fabric of Slavery, 2016](#) [Sinha, 2006](#)).

Organ trafficking

The media feature reports on illegal trade in organs from India on a regular basis. The availability of cyclosporine¹, new surgical methods in organ transplantation and the lack of proper medical ethics that might prevent illegal practices have served as catalysts for a boost in organ trade in India. An additional factor is active here – poverty that makes people sell their kidneys, for example, to pay off any debts. Victims for organ trafficking are lured from vulnerable groups struggling absolute poverty, unemployment, or having no alternative sources of income. However, the nature of intermediaries in organ trafficking is, in essence, different from other forms of human trafficking as it implies an active role of medical workers, ambulance drivers and morgue personnel. Police investigations have revealed that a trafficker would pay about one hundred

¹ Cyclosporin is a drug and an immunosuppressant that arrests the function of the cellular immunity and prevents the rejection of a transplanted organ or tissue. Source: Helix Medical Knowledge Base

thousand rupees (about \$1.8 thousand) to a person who wants to sell a kidney (UNTOC, 2013; Trafficking in Persons Report, 2007).

Using modern slavery in the production of goods

The realities of global trade and business contribute to the exposure of India, like many other countries, to modern slavery by means of the products the country imports. Table 2 provides information on five main types of products (the value is given in USD) imported by India from countries of a higher risk of using modern slavery in the production of the goods (Global Slavery Index, 2018).

Table 2. Main types of products imported by India from countries that are exposed to modern slavery in the production of goods

No.	Product name	Import value (in thousands of \$US)	Source countries
1	Laptops, computers and mobile phones	8,338,931	China, Malaysia
2	Sugarcane	456,472	Brasil
3	Gold	363,795	North Korea, Peru
4	Apparel and clothing accessories	360,045	Brazil, China, Malaysia, Thailand, Vietnam
5	Diamonds	97,062	Angola

Currently, no single central legal framework regulating public procurement exists in India. Yet, government ministries and departments should comply with various guidelines and procedures available for public procurement, but none of which specifically addresses modern slavery. In June 2017, the Indian Government issued a government procurement order as part of the government policy to promote the domestic manufacturing of goods and services. The policy is intended to provide preferences to local suppliers in public procurement. There is argued that the policy can facilitate the inclusion of human rights in the public procurement process (Ministry of Commerce & Industry, 2017; Calandruccio, 2005; Labour Organization, 2006; Misir, 2017; Srivastava, 2005; Yook, 2018).

4. Conclusion

Summing up the above points, it is necessary to note that the continuing crimes against people in the form of modern slavery have confirmed the need for introducing mechanisms to regulate the work of government bodies and recruitment agencies. The latter are involved in financial exploitation and emotional traumatization of their victims.

The analysis of the sources suggests that more police investigations into slavery have recently been recorded in India. This improvement has been enabled as the partnership between the National Crime Records Bureau and the police has enhanced. Awareness raising and information programs, as well as the ever expanding media space given to such issues have made it possible to strengthen public commitment in providing information on these types of violence.

5. Acknowledgements

The study was carried out in the framework of the project “Small nations in the extreme conditions of war and peace (historical and comparative study)”.

References

- Bales, 2012 – Bales, K. (2012). Disposable people: New slavery in the global economy [Electronic resource]. URL: <http://www.ucpress.edu/9780520951389>
- Calandruccio, 2005 – Calandruccio, G. (2005). A review of recent research on human trafficking in the Middle East. *International Migration*, 43 (1-2), pp. 267-299. DOI: 10.1111/j.0020-7985.2005.00320.x

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27 (4): 851-864.

[Cherkasov et al., 2018](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Bratanovskii, S.N. (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody.* 50(4): 1334-1346. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1334

[Dowry Deaths](#) – Dowry Deaths [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Dowry_death (date of access 24.03.2019).

[Fabric of Slavery, 2016](#) – Fabric of Slavery India Committee of the Netherlands. December 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.indianet.nl/pdf/FabricOfSlavery.pdf> (date of access 20.03.2019).

[Global Research..., 2016](#) – Global Research (Hyderabad) & India Committee of the Netherlands (Utrecht). Rock Bottom. Modern Slavery and Child Labour in South Indian Granite Quarries [Electronic resource]. URL: <https://stopchildlabour.org/assets/150616-Rock-bottom-FINAL.pdf>

[Global Slavery Index, 2018](#) – India. The Global Slavery Index [Electronic resource]. URL: <https://www.globalslaveryindex.org/2018/findings/country-studies/india/> (date of access 18.03.2019).

[Harding, 2019](#) – Harding, E. (2019). Modern slavery of children in India. *The Lancet Child and Adolescent Health.* 3(1): 14.

[India..., 2016](#) – India, home to most of world's slaves, prepares to take a step forward. The Christian Science Monitor [Electronic resource]. URL: <https://www.csmonitor.com/World/2016/0531/India-home-to-most-of-world-s-slaves-prepares-to-take-a-step-forward> (date of access 26.03.2019).

[IndiaSpend, 2015](#) – Minor Girls, Women Chief Targets As Human Trafficking Surges years [Electronic resource]. URL: <https://archive.indiaspend.com/cover-story/minor-girls-women-chief-targets-as-human-trafficking-surges-75107> (date of access 27.03.2019).

[Joffres et al., 2008](#) – Joffres, C., Mills, E., Joffres, M., Khanna, T., Walia, H., Grund, D. (2008). Sexual slavery without borders: Trafficking for commercial sexual exploitation in India. *International Journal for Equity in Health.* 7.

[Kaamila Patherya, 2017](#) – Kaamila Patherya (2017). Domestic Violence and the Indian Women's Movement: A Short History [Electronic resource]. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1702/domestic-violence-and-the-indian-womens-movement-a-short-history> (date of access 22.03.2019).

[Khan](#) – Ejaz Khan. Top 10 countries with the most rape cases in the world [Electronic resource]. URL: <https://www.wonderslist.com/countries-with-the-most-rape-cases/> (date of access 18.03.2019).

[Labour Organization, 2006](#) – Labour Organization, I. (2006). Demand Side of Human Trafficking in Asia: Empirical Findings. Regional Project on Combating Child Trafficking for Labour and Sexual Exploitation (TICSA-II). International Labour Organization: Bangkok, Thailand. [Electronic resource]. URL: http://www.humantrafficking.org/uploads/publications/iloo6_demand_side_of_human_tiaef.pdf

[Laxman, Nisar, 2018](#) – Laxman, A.I., Nisar, A. (2018). Case report: Trafficking of a young foreign lady. *Journal of Forensic Medicine and Toxicology.* 35(2): 4-6.

[Ministry of Commerce & Industry, 2017](#) – Ministry of Commerce & Industry 2017, Public Procurement (Preference to Make in India), Order 2017, Press Information Bureau Government of India, 15 June [Electronic resource]. URL: <http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=165658>. (date of access 27.03.2019).

[Misir, 2017](#) – Misir, P. (2017). The subaltern Indian woman: Domination and social degradation. *The Subaltern Indian Woman: Domination and Social Degradation:* 1-292.

[Nazarov, Nazarova, 2018](#) – Nazarov, S.V., Nazarova, V.V. (2018). «Comfort Women»: an Exploration of the Experience of the Trauma of Sexual Slavery during the Second World War. *Slavery: Theory and Practice.* 3(1): 81-85. DOI: 10.13187/slave.2018.1.81

[NCRB](#) – NCRB. Crime in India-2015 [Electronic resource]. URL: <http://ncrb.gov.in/StatPublications/CII/CII2015/chapters/Chapter%205-15.11.16.pdf> (date of access 23.03.2019).

Philip, 2014 – *Christin Mathew Philip* (2014). 93 women are being raped in India every day, NCRB data show [Electronic resource]. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/37566815.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (date of access 18.03.2019).

Rape in India – Rape in India [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Rape_in_India (date of access 16.03.2019).

Santhosh Kumar, 2016 – *Santhosh Kumar D.* (2016). Modern Slavery – Why Contemporary Slavery in India Should Be an Urgent Concern? ClearIAS.com [Electronic resource]. URL: <https://www.clearias.com/modern-slavery-india/> (date of access 28.03.2019).

Shakti, 2004 – *Shakti, V.* (2004) Trafficking in India Report [Electronic resource]. URL: <http://www.shaktivahini.org/assets/templates/default/images/traffickingreport.pdf> (date of access 26.03.2019).

Shreya Mittal, Sukanya Bhattacharyya – *Shreya Mittal, Sukanya Bhattacharyya* (2016). Modern slavery in India: 5,616 enslaved every day over last two years [Electronic resource]. URL: <https://scroll.in/article/809570/modern-slavery-in-india-5616-enslaved-every-day-over-the-last-few-years> (date of access 18.03.2019).

Sinha, 2006 – *Sinha, I.* (2006). Trafficking and Children at Risk. Written by Indrani Sinha for Sanlaap [Electronic resource]. URL: http://www.ashanet.org/focusgroups/sanctuary/articles/sanlaap_trafficking.doc (date of access 22.03.2019).

Slavery in India – Slavery in India [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Slavery_in_India#cite_ref-99 (date of access 16.03.2019).

Srivastava, 2005 – *Srivastava, R.S.* (2005) Bonded Labor in India: Its Incidence and Pattern. International labour office, Geneva. [Electronic resource]. URL: <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=forcedlabor>

The Global Slavery Index – The Global Slavery Index. India [Electronic resource]. URL: <https://www.globallslaveryindex.org/2018/findings/country-studies/india/> (date of access 25.03.2019).

Trafficking in Persons Report, 2007 – Trafficking in Persons Report. The Office of Website Management, Bureau of Public Affairs, manages this site as a portal for information from the U.S. State Department [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/2007/82806.htm> (date of access 27.03.2019).

UNTOC, 2013 – United Nations Convention against Transnational Organized Crime [Electronic resource]. URL: http://www.unodc.org/documents/southasia/reports/Human_Trafficking-10-05-13.pdf (date of access 27.03.2019).

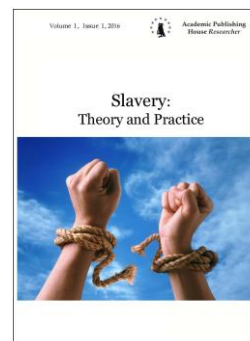
Yook, 2018 – *Yook, S.H.* (2018). Bonded slavery and gender in Mahasweta Devi's "douloti the Bountiful". *Asian Women*. 34(1): 1-22. DOI: 10.14431/aw.2018.03.34.1.1

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 29-34

DOI: 10.13187/slave.2019.1.29

www.ejournal43.com

Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century

Nikita S. Stepanenko ^{a, *}^a Pyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The author of the article, based on the documents revealed by him in the state archive of the Krasnodar Territory, cites data on the presence of runaway Cossacks and peasants in the mountains of the Northwest Caucasus in the middle of the 19th century, who, together with the mountaineers, were engaged in the capture and trafficking of people who were the same Russians, like them. The author concludes that many fugitives and deserters (Cossacks and peasants) who owned slaves in the mountains were criminals driven by criminal motives. Moreover, certain circumstances (ethnic, country, religious affiliation and kinship, etc.) were completely not taken into account by them.

Keywords: Cossacks, peasants, "Caucasian war", slave trade, deserters, fugitives, criminals, Kuban, XIX century.

1. Введение

В первой половине XIX века на Северо-Западном Кавказе развернулся сложный, противоречивый процесс, получивший в отечественной историографии название «Кавказская война». В этот период на указанной территории существовал целый ряд явлений, которые придавали этому противостоянию особый характер (взаимные набеги, пленопродавство, локальные переселения). В данной статье мы хотим обратить внимание на малоизученную тему пребывания беглых казаков и крестьян-рабовладельцев на Северо-Западном Кавказе, как одну из специфических черт этого конфликта. Эти лица, будучи, фактически, российскими подданными, совместно с северокавказскими горцами, занимались похищением людей и продажей их в рабство, причем в качестве объекта ЭТОГО «промысла» выступали их соотечественники – казаки и крестьяне.

2. Материалы и методы

Материалами для данной статьи послужили документы, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края ([Ф. 256. Войсковое дежурство Кавказского Линейного казачьего войска. 1836-1868](#)). В современной исторической науке существуют неоднозначные оценки, касающиеся темы дезертирства российских военнослужащих и др. к горцам Северного Кавказа. Т.Х. Кумыков обратил внимание на ряд архивных документов, свидетельствующих о том, что на стороне адыгов сражались беглые казаки и польские радикалы. Например, казак Колосов возглавил отряд, постоянно действующий против царских войск, а казак Земцев был женат на черкешенке, принял ислам и овладел адыгским

* Corresponding author

E-mail addresses: stepanekonikita1993@yandex.ru (N.S. Stepanenko)

языком. Т.Х. Кумыков охарактеризовал это явление как вызревание ростков интернационализма (Кумыков, 1994: 16). С другой стороны, исследователи чаще стали обращать внимание на другие, судя по документам, чаще встречающиеся мотивы побегов россиян к горцам. Они были более прозаичными, чаще всего, не связанными с политикой. Например, Ю.Ю. Клычников осветил переход в горы криминального элемента из казачьей среды (Клычников, 2014: 73-76). Анализировали причины побегов солдат, казаков и гражданских лиц к горцам Н. Н. Великая, Д.С. Дударев, С.Л. Дударев и др. (Великая, 2013; Великая, 2015; Дударев, Дударев, 2017), указывая на то, что в целом ряде случаев эти прецеденты были связаны со служебными, бытовыми и криминальными причинами. При этом рассматривались и случаи, когда галантные приключения лиц женского пола могли закончиться продажей в невольницы (Дударев, 2016: 14-18). В то же время, когда политическая подоплека действительно имела место (в случае с сосланными на Кавказ участниками восстаний на территории Царства Польского), беглые, надеясь на радушный прием у горцев, которых они изначально расценивали как потенциальных союзников в борьбе с русским царизмом, вместо этого оказывались в рабстве (Клычников, Лазарян, 2018). В то же время, выявленные нами материалы показывают, что в роли рабовладельцев, или тех, кто выступал их партнерами, были не только горцы, но и россияне – крестьяне и казаки (см. ниже). Другими словами, необходимы исследования, которые бы более внимательно оценивали весь спектр причин бегства россиян к горцам, следы которых особого внимания заслуживают те (с учетом специфики данного журнала), которые связаны с феноменом рабовладения/пленопродавства, выявлением всех заинтересованных сторон его функционирования, их этнического и социального состава, различных побудительных мотивов, стимулировавших фигурантов из различных лагерей участвовать в соответствующих сделках, налаживать инфраструктуру для реализации и т.п.

Данная работа выполнена на основе принципов историзма, объективности и системности. Метод – используемый в нашей работе – метод анализа источников.

3. Обсуждение и результаты

В 30-60-е годы XIX века некоторые казаки и крестьяне бежали на неподконтрольные российским властям территории Закубанья. Ими двигали разные причины: боязнь наказания за совершённые преступления, усиление государственного контроля, симпатии к горскому образу жизни и пр. Беглые казаки имели в Закубанье кунаков, друзей, на помощь и поддержку которых они могли рассчитывать. Проживая на неподконтрольных России территориях, эти дезертиры перенимали у местного населения не только порядки повседневной жизни (язык, обычаи), но и специфические для тех мест социальные практики. Например, они ходили в набеги с целью захвата добычи и пленников. Таким образом, в середине XIX века в Закубанье проживал ряд казаков, которые имели невольников.

Известный перебежчик Семён Атарщиков после побега в горах принял ислам, а в апреле 1844 года женился на дочери ногайского узденя Мисоста Энарукова и поселился с ней в ауле на реке Курджиис. Там он купил у тестя беглого казака хопёрца Фому Головкина и держал его в качестве прислуги. Атарщиков совершал многочисленные набеги в российские пределы. В 1845 году он вместе с Головкиным отправился на разбой к Ставрополю. Остановившись в лесу на р. Урупе, беглый казак задремал. В это время Головкин выстрелом из ружья тяжело ранил своего хозяина. После этого он отправился в близлежащее укрепление и сообщил местному начальнику о случившемся. Тяжелораненый Атарщиков сдался прибывшей к нему воинской команде, однако скончался по дороге в станицу Прочноокопскую (Щербина, 2007: 965). Фома Головкин был прощён, но на этом не остановился. Он прислал прошение на имя командующего Отдельным Кавказским корпусом с просьбой о вознаграждении его за поимку беглого сотника Атарщикова (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 63.4). 5 ноября 1846 года начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья предписал наказному атаману Кавказского линейного казачьего войска (Далее – КЛКВ) С.С. Николаеву: «Казаку Хоперского казачьего полка Фоме Головкину из станицы Круглолесской объявить, что он должен быть доволен дарованным ему прощением, а за подачу прошения мимо своего начальства обязать его подпиской, чтобы он не смел беспокоить главное начальство» (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 63. 1). До этого предписания

генерал-лейтенант С.С. Николаев хотел приговорить Головкина к 100 ударам розгами и строго внушить ему, чтобы он на будущее время не осмеливался утруждать высшее начальство подобными просьбами (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 63. 5).

3 августа 1848 года командир второй бригады КЛКВ полковник П.А. Волков рапортовал наказному атаману, генерал-лейтенанту С.С. Николаеву о побеге казака Артамона Долматова (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 86. Л. 1). 21 июля 1848 года этот казак находился в прикрытии станичного табуна. Вечером Долматов вернулся в свой дом, где взял жёлтый чекмень с газырями, бешмет, оправленный серебряным галуном, шапку, шашку, пистолет с белой мамонтовой костью. После этого казак на своем строевом коне отправился на левую сторону реки Лабы. Оттуда он не возвратился. В рапорте приведено краткое описание казака: рост 2 аршина 2 вершка (около 151 см), лицом смугловат, волосы на голове русые, глаза карие, 20 лет, особых примет не имел.

Месяц спустя (31 августа 1848 года) П.А. Волков сообщил своему начальнику о возвращении казака 24 августа. На допросе Долматов рассказал, что был взят в плен беглым казаком Иваном Потаповым. Все это время он находился у него. Долматов убил Ивана Потапова, а бежавшего вместе с Потаповым подносчика воздвиженского питейного дома, крестьянина помещика Теплова Фёдора Храмцова ранил. Долматова посадили под караул (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 86. Л. 7).

Будучи в заключении, Артамон Долматов дал показания о себе и об обстоятельствах своего нахождения в Закубанье. Отроду ему был 21 год. Умел читать и писать, штрафам не подвергался. Вступил на службу 15 февраля 1848 года. 21 июля Долматов находился на прикрытии скота жителей станицы Воздвиженской. Во время службы он попросился у приказного казака Булгакова отвести на водопой своих быков. Узнав, что быки были в стаде, казак пошёл домой, взял разорванный бешмет и набойки на чевяки с намерением завести эти вещи портному и сапожнику для починки, но вскоре передумал. Долматов опасался не успеть выехать из станицы до закрытия ворот, в результате чего его лошадь осталась бы непоеной. Выехав из станицы, казак прибыл к водопою. Начав поить лошадь, Артамон Долматов увидел, что позади его появилось четыре человека хищников. Его окружили и якобы взяли в плен.

Переправившись через Лабу, они отправились за Белую реку, где находились до 4 августа. Оттуда Иван Потапов и Фёдор Храмцов отправили Долматова пасти лошадей, предварительно забрав одежду и оружие. Невольник заявил Ивану Потапову, что голым и босым он не будет пасти коней. Иван Потапов ответил, что поедет к брату Акиму Потапову посоветоваться. Вернувшись на пастбище, Потапов объявил о решении продать Долматова другим хозяевам. После этого он снял с себя оружие и лёг спать. Подменяя Храмцова, Долматов заметил, что Потапов уже заснул, и решил вернуть свою одежду и оружие, которые забрал себе беглый крестьянин. После этого он взял шашку и ружьё Потапова. Первоначально Артамон Долматов хотел «срубить» шашкой своего спящего хозяина. Однако начал сомневаться в том, что сможет убить его с первого удара. Поэтому он вынул ружьё Потапова, вставил его прямо в левое ухо и убил насмерть своего владельца. Спящий крестьянин Федор вскочил и спросонья начал спрашивать, где был ружейный выстрел. Долматов вынул шашку и ударил ею Храмцова. Беглый крестьянин начал сильно кричать в знак тревоги, а Долматов второпях едва смог прихватить уздечку, после чего побежал к лошадям. Он поймал стреноженную лошадь Потапова. Сел на нее и без седла и поскакал на реку Белую, по направлению к реке Лаббе. Утром добрался до неё и явился в станицу Тенгинскую.

В итоге Артамону Долматову не поверили, что его взяли в плен, казак был признан виновным в побеге. Его простили согласно прокламации от 14 марта 1845 года и без наказания вернули в полк (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 86. Л. 9).

Беглым казаком, который занимался вовлечением в рабство своих соотечественников-россиян, был Иван Ханин, уроженец станицы Лабинской. В феврале 1846 года он бежал в горы вместе со своим годовалым сыном. Оттуда он приглашал к себе своих знакомых, после чего обращал их в неволю. Так он поступил с казаком Яковом Тынянским, бежавшим в феврале 1847 года в Закубанье. Позднее на допросе он сообщил, что находился в горах полтора месяца. По словам перебежчика, он был сманен своим товарищем, бывшим долгое время в бегах казаком Ханиным, который обещал для него свободную жизнь. Однако из-за

вышедшей между ними ссоры Ханин передал Тынянского «в вечное время» трём горцам, чтобы они продали его в другой аул в холопство (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 70. Л. 3).

Казак Михаил Некрасов, бежавший в горы с двумя казаками, родными братьями Панариными в начале 1850-х годов позднее рассказал властям, что на реке Белой они оказались у Ивана Ханина. Некрасов пробыл у него одни сутки. Ханин передал его горцу Хабряку, у которого Некрасов и проживал. Казаки Панарины и украли у приютившего их казака русскую пленницу и бежали с ней в станицу. Разозлённый Ханин попросил Хабряку держать Некрасова строго, чтобы он тоже не убежал. Спустя некоторое время горец отдал Некрасова в крепость Магомед Амина. Она находилась на реке Пшех, где беглые русские солдаты строили ему дом. По словам Михаила Некрасова, при Магомед Амине находились три русских барабанщика и казаки: Леон Лапыкин и Алексей Колосов¹. При последнем жила женщина из Баталпашинской станицы (ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 73. Л. 65 – 66). Вполне возможно, что это была пленница.

Упомянутый беглый урядник Алексей Колосов также активно занимался набегами и пленопродавством. Пример разбоя, совершенного горской партией под предводительством Колосова, основываясь на архивных данных, привёл Ю.Ю. Клычников. 7 ноября 1861 года на 4-х подводах казаки станицы Попутной Тимофей Котов, его брат Герасим и дядя Степан отправились на правую сторону р. Уруп за сеном, но на следующий день не возвратились. Поиски их не увенчались успехом. Вскоре 16 ноября 1861 года Тимофей Котов возвратился из плена и объявил, что брат его Герасим находится в плену в ауле верховьев р. Лабы у беглого урядника Колосова, а он освобожден им для доставления за себя и брата своего Герасима 250 рублей серебром, а дядя его Степан «срублен» (Клычников, 2014: 75). Как оказалось, казаки не увидели горскую партию из-за дождя и тумана и, не успев воспользоваться оружием, были пленены. Степана Котова убили, видимо, не надеясь, получить за него выкуп², а двух братьев увели в плен. Герасим Котов пробыл в плену до 1 декабря 1861 года и был выкуплен своим братом (Клычников, 2014: 76).

4. Заключение

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в середине XIX века в горах Закубанья проживали беглые казаки и крестьяне, которые занимались захватами и торговлей пленниками. Трудно пока судить о масштабах этого явления, мы лишь хотим обратить внимание на его существование. Нельзя согласиться с мнением ряда историков о том, что нахождение беглых казаков среди адыгов можно воспринимать «как вызревание ростков интернационализма» (Кумыков Т.Х., 1994: 16). Судя по поступкам этих дезертиров и беглецов, они были достаточно расчетливыми и циничными людьми, т.к. захватывали в плен, покупали и продавали таких же, но менее удачливых перебежчиков³. При этом те или иные обстоятельства (этническая, земляческая, религиозная принадлежность и родство и т.п.) совершенно не принимались ими во внимание. Неслучайно российские власти однозначно воспринимали таких людей и наказывали их как преступников.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Великая, 2013. – Великая Н.Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 7. / Научн. ред, сост. О.В. Матвеев. Краснодар: «Эдви», 2013. С. 84-91.

¹ Этот факт можно считать своеобразным отголоском того, что при имаме Шамиле находились русские перебежчики, отряд которых с барабанным боем ходил по аулам и прославлял щедроты и гостеприимство имама (Загорский, 2011: 8). Ред.

² Точно также поступали при захвате и горцы с лицами, за которых невозможно было взять выкуп. Ред.

³ Впрочем, были и такие казаки, которые вовсе не принадлежали к пленным, а свободно вращались между враждующими лагерями, ведя операции по продаже и перепродаже тех россиян, которые обманом оказались в неволе у горцев, о чем говорит история крестьянки А. Солоповой (Дударев, 2016). Ред.

Великая, 2015 – Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // *Кавказский сборник*. Т.9(41). М.: Русская панорама, 2015. С. 90-101.

Дударев, 2016 – Дударев С.Л. Похождения крестьянки Анны Солоповой (любовная интрижка, завершившаяся пленом у горцев) // *Кант*. № 4 (21). 2016. С. 14-18.

Дударев, Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Загорский, 2010 – Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Вып. 6. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфисервис и Т») (Народы Кавказа: страницы прошлого), 2011. С. 3-24.

Клычников, 2014 – Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2014. С. 71-76.

Клычников, Лазарян, 2018 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

Кумыков, 1994 – Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. 113 с.

Щербина, 2007 – Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. 1000 с.

References

Dudarev, Dudarev, 2017 – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – sere diny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – the middle of the XIX century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

Klychnikov, 2014 – Klychnikov, Yu.Yu. (2014). Kazaki-perebezhchiki v gody «Kavkazskoj vojny»: istoricheskie syuzhety [Cossack defectors during the years of the "Caucasian War": historical plots]. Iz istorii i kul'tury lineinogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy devyatoi mezhdunarodnoi Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod red. N.N. Velikoi, S.N. Lukasha. Armavir: IP Shurygin V.E., pp. 71-76. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai].

Klychnikov, Lazaryan, 2018 – Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. (2018). «Nabezhavshimi hishchnikami vzyat v plen...»: polyaki v nevole u gorcev Severnogo Kavkaza [Poles in captivity among the mountaniers of the North Caucasus]. Pyatigorsk: PGU, 84 p. [in Russian]

Kumykov, 1994 – Kumykov, T.Kh. (1994). Vyselenie adygov v Turciyu – posledstvie Kavkazskoj vojny [The eviction of the Circassians to Turkey is a consequence of the Caucasian war]. Nalchik, 113 p. [in Russian]

Shcherbina, 2007 – Shcherbina, F.A. (2007). Istoriya Kubanskogo Kazach'ego vojska. [History of the Kuban Cossack troop]. Т. II. Krasnodar: Krasnodar News, 1000 p. [in Russian]

Velikaya, 2013 – Velikaya, N.N. (2013). Plennye slavyane v gorah Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captured Slavs in the mountains of the Northwest Caucasus]. Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vyp. 7. Nauchn. red, sost. O.V. Matveev. Krasnodar: «Edvi», pp. 84-91. [in Russian]

Velikaya, 2015 – Velikaya, N.N. (2015). Prichiny nahozhdeniya rossiyan v srede gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza (pervaya polovina XIX veka) [The reasons for the presence of Russians among the highlanders of the North-East Caucasus (the first half of the XIX century)]. *Kavkazskij sbornik*. Т. 9(41). М.: Russkaya panorama, pp. 90-101. [in Russian]

Dudarev, 2016 – Dudarev, S.L. (2016). Pohozhdeniya krest'yanki Anny Solopovoj (lyubovnaya intrizhka, zavershivshayasya plenom u gorcev) [The adventures of the peasant woman Anna Solopova (a love affair that ended in captivity among the highlanders)]. *Kant*. No. 4 (21), pp. 14-18. [in Russian]

Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века

Никита Сергеевич Степаненко ^{а, *}

^а Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Автор статьи, опираясь на документы, выявленные им в государственном архиве Краснодарского края, приводит данные о нахождении в горах Северо-Западного Кавказа в середине XIX века беглых казаков и крестьян, которые совместно с горцами занимались захватом и торговлей людьми, которые были такими же россиянами, как и они. Автор приходит к выводу, что многие беглые дезертиры и перебежчики (казаки и крестьяне), владевшие невольниками в горах, были преступниками, которыми двигали криминальные мотивы. При этом те или иные обстоятельства (этническая, земляческая, религиозная принадлежность и родство и т.п.) совершенно не принимались ими во внимание.

Ключевые слова: казаки, крестьяне, работоторговля, дезертиры, беглые, преступники, Кубань, XIX век.

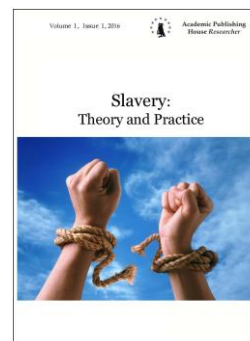
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: stepanenkonikita1993@yandex.ru (Н.С. Степаненко)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 35-41

DOI: 10.13187/slave.2019.1.35

www.ejournal43.com

Reviews

Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. «Nabezhavshimi khishchnikami vzyat v plen...»: Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus. Pyatigorsk: PSU, 2018. 84 p.

Sergey L. Dudarev ^{a,*}^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

A study by professors of the University of Pyatigorsk is devoted to the previously little-studied subject of people of Polish nationality held captive by the mountaineers of the North Caucasus. They were in the hands of the mountaineers due to the fact that as a result of various historical events (the participation of the Poles on the side of Napoleon in his campaign against Russia in 1812 and the suppression of the Polish uprising of 1830–1831 by the tsarist troops) they were in the territory of this region. The authors consider the circumstances of the capture of the Poles by the mountaineers, which allows us to highlight a number of typical situations and causes associated with this. They are partly similar to those in which the highlanders found themselves prisoners of war and deserters of Russian origin (reckless behavior on the way, abduction, desertion, the desire to avoid violence by commanding persons, the desire to fight the Russian army on the side of the highlanders, etc.) Historians also paid attention to the ways of adaptation of captured Poles in the mountain environment, which, above all, among the Circassians, in most cases were in the position of slaves. The peer-reviewed work enriches our ideas about the situation of persons of foreign origin who were in mountain captivity in the first half of the 19th century in the North Caucasus.

Keywords: Napoleonic wars, Patriotic war of 1812, Polish uprising of 1830–1831, captive and exiled Poles, mountaineers' raids, frontier, "double captivity", Poles in slavery of the mountaineers.

Книга двух профессоров Пятигорского университета посвящена интересной и необычной теме – нахождению в плену поляков с вытекающими из этого историческими формами зависимости, имевшими место в XIX в. в горской среде Северного Кавказа.

Первая часть работы посвящена выяснению авторами обстоятельств появления поляков на Северном Кавказе, которое осуществляется ими на фоне военно-политической ситуации на данной территории в первой половине XIX в. Корни описываемого Ю.Ю. Клычниковым и С.С. Лазаряном явления уходят в драматические разделы Польши, прежде всего, в последний из них, который был близким по времени наступавшей бурной эпохе наполеоновских войн. Последняя много поспособствовала тому, что большое количество военнослужащих польского происхождения, которые оказались во Франции еще

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

до провозглашения империи, связало в дальнейшем свою судьбу с завоевательными планами Бонапарта. Стремясь разыгрывать «польскую карту», которую он использовал на переговорах с Пруссией и Россией, как средство давления на эти государства, Наполеон обещал полякам провозгласить независимость. Немало представителей этого народа поддались на его агитацию и начало вступать в вооруженные формирования, «курируемые» французской стороной. По итогам Тильзитского мира 1807 г. возникло Великое герцогство Варшавское (авторы употребляют другое его название – Варшавское княжество) (С. 6), послужившее своего рода «приманкой» для сторонников польского суверенитета. Надеясь на дальнейшую помощь французов, польские воины дали согласие на использование их в захватнической войне против Испании. Впрочем, польские военные успели повоевать под французской эгидой и на своей территории, вернув ее часть в состав герцогства. Пожалуй, это был единственный позитивный итог для польских комбатантов в тех событиях. Начавшаяся подготовка к войне 1812 г. потребовала напряжения и определенных жертв от населения герцогства, что оказалось для него обременительным... Впрочем, в дальнейшем наступил, как будто, «звездный час» для сторонников польской независимости. 24 июня 1812 г. Великая армия перешла Неман. Однако, как отмечают авторы, поляки, проживавшие в Литве, Белоруссии и Украине, не высказали ожидаемого французами энтузиазма. Да и в действующих частях армии из «дванадцати языков», в состав которых входили поляки, оказалось немало тех из них, кто предпочел плен смерти (с.8). Разумеется, детализация участи польских военнослужащих в войне на российской земле, по-видимому, не входила в задачи авторов. Но, все же, не лишне будет заметить, что те или иные из них отметились на захваченной территории мстостью за ранее понесенные поражения и разделы. Так, из Кремля были вывезены польские трофеи, доставшиеся воинам Минина и Пожарского, принадлежавшие капитулировавшим 26 октября (5 ноября) 1612 г. войскам полковников Струся и Будилы. Что же касается обращения поляков с русскими пленными, захваченными в ходе кампании 1812 г., то они не были озабочены, куда их пристроить (в отличие от русского командования: см. ниже). Им просто разбивали головы ружейными прикладами... Но вот пришел час крушения наполеоновских полчищ. И здесь выяснилось, что содержать безо всякой пользы более чем 200 тыс. пленных плененных солдат французского императора, среди которых оказались и польские *żołnierze i oficerowie* (солдаты и офицеры – польск.) весьма накладно для казны. М. И. Кутузов обратился с предложением на имя военного министра А. И. Горчакова использовать пленных поляков на службе в войсках, находящихся на Кавказской линии. После переброски военных польского происхождения на Кавказ их оказалось здесь почти 9 тыс. чел., что составляло до четверти личного состава войск, находившихся на Линии (с. 10-12)! Вторая волна польского присутствия на Кавказе связана с подавлением восстания в Царстве Польском в 1830-31 гг. Лица польского происхождения оказались в данном регионе в 1832 г. в количестве, опять-таки, около 9 тыс. чел. В период с 1834 г. по 1855 г. на Кавказе находилось до 20 тыс. поляков. Как в случае с пленниками периода Отечественной войны 12 года, так и ссыльными более позднего периода, представители Польши либо использовались на строительных работах, либо несли на Кавказе военную службу. В конце-концов, они были возвращены на родину. Но в родные места удалось отправиться не всем и не сразу. В целом ряде случаев полякам, перемещенным на Кавказ, довелось испытать ту же самую судьбу, что и немалому числу русских солдат, офицеров, казаков, крестьян и мещан, а именно – стать пленниками горцев¹. Причины противостояния российской и горской сторон авторы формулируют очень кратко, что, собственно, и понятно – в их задачи не входило сколь-нибудь подробно рассматривать данный вопрос, чему посвящены другие их исследования, в том числе, монографические. Горцы были объединены в теократическое государство – имапат, наиболее видным руководителем которого был имам Шамиль. Вдохновленные идеями мюридизма, они вели борьбу против Российского государства, стремившегося подчинить жителей гор общеимперским порядкам, к восприятию которых они не были подготовлены предшествующим ходом истории. Среди причин военных действий против России авторы

¹ Ниже авторы отмечают, что среди пленников оказывались не только ссыльные и или пленные поляки, но и лица польского происхождения из знатных слоев, приехавшие на Кавказ делать военную карьеру (С. 18).

называют скудость местных ресурсов, заставлявшую горцев захватывать добычу на стороне, а также традиции, связанные с социализацией юношества. Впрочем, в следующей части работы историки приводят, можно сказать, интегральную дефиницию, которая объясняет причины постоянной напряженности на Кавказе – фронтир (понимаемый вслед за Т.М. Барретом как территория неопределенности). Все эти причины и понятия уже фигурировали в работах ряда историков-кавказоведов, в том числе и авторов рецензируемой книги, и вполне разделяются нами, как и утверждение о том, что горцев к сопротивлению подталкивали иностранные эмиссары из Османской империи и Великобритании.

Вторая часть книги («В плену у горцев») является основной в ее исследовательском блоке. В ней авторы анализируют оказавшийся в их распоряжении пласт архивных документов, изученных ими в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), и касающихся судеб пленных поляков.

Ситуации, в результате которых они оказывались в неволе у горцев (как метко констатируют авторы, в «двойном плену») были различными. Так Овцентий (Вицентий) Зимбровский (Жембровский) был выкраден «хищниками» на Кавказской линии в 1814 г. Будучи отправлен на земляные работы вместе с другими своими польскими сотоварищами, он неосмотрительно вышел из укрепления с одним из них в ночное время и был схвачен четырьмя горцами. В 1816 г. Вицентию удалось совершить побег, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами. Подобная судьба была у И. Карбовского, Я. Качевича и ряда других поляков.

При иных обстоятельствах оказался в горском плену Андрей Ласюк. Находясь в Кизляре, он заболел и отстал от других польских пленных, которых отправили в родные места. По выздоровлению его и других таких же поляков отправили на работу к местному купцу как даровую рабочую силу, либо с целью заработать себе на жизнь (средства у администрации на пленных находились не всегда: так же зарабатывал себе «на пропитание» в качестве сапожника освободившись из горской неволи и упомянутый выше Качевич) (С. 61). Однажды ночью приказчики купца отдали Ласюка горцам, которые неоднократно перепродавали его из аула в аул (Казанище, Буртунай, Аркас)¹, что было распространенной практикой по отношению к невольникам. Примечательно, что в конце-концов, Ласюк был выдан жителями Буртунай российским властям «по замирении» оных (С. 46), т.е. при принесении присяги, что было обязательным условием принятия российского подданства.

Другие польские пленные оказывались у горцев по собственной воле. Лука Соколовский, отправленный в Грузию, бежал к лезгинам, где стал их рабом. Во время своего восьмилетнего рабства, Соколовский, так же, как и Ласюк, был неоднократно перепродан горцами из одних рук в другие (С. 21). В конечном итоге, жизнь в горах оказалась в тягость этому пленнику и он, с другим поляком, как и многие другие, похищенным джигитами, бежал к русским. Если такие, как Соколовский, были одиночками, то известны случаи и более массового бегства польских солдат бывшей наполеоновской армии к горцам. Авторы приводят воспоминания француза на русской службе П. Гибалья, который в своем дневнике поведал историю около сотни поляков, оказавшихся на Кавказе и бежавших в Кабарду, в надежде на помощь местных жителей. Однако расчет на поддержку кабардинцев, как предполагаемых противников русских, оказался неверным. После хорошего приема поляки были затем коварно захвачены и стали рабами, либо проданы для обращения в такое же состояние, но на стороне. Правда, по словам Гибалья, горцы относились к своим рабам хорошо, но, как справедливо отметили авторы, «это было скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии» (С. 32-33). По свидетельству К. Калиновского, одного раба, также первоначально довольного своим положением, после того, как он заболел, хозяин вытащил за ноги в соседний лес и бросил там умирать.

Судьбы польских пленных, представленные авторами, высвечивают ту непростую обстановку, которая существовала на Кавказской Линии в первой половине XIX в. Набеги горцев порой наводили такую панику, что способны были дезорганизовать и расстроить функционирование осуществляемых властями действий по управлению краем. Так, поляк Ян Погиднов оказался в горском плену из-за того, что казаки, сопровождавшие

¹ Пленный произносит эти названия с искажениями.

военнопленного, узнав о действиях черкесов, нападавших на подобные конвои, бежали, бросив своего подопечного на произвол судьбы (С. 23). Погиднов оказался захваченным закубанцами, у которых пробыл 12 лет, пока не был обменян на пленных горцев.

В связи с последним обстоятельством авторы верно отмечают, что у российских властей существовала практика захвата горцев в плен для обмена на своих пленных, имело место создание своего рода «обменного фонда» (С. 24). Это был один из способов борьбы администрации с захватом и продажей пленных, осуществлявшейся самыми жесткими (и жестокими) мерами. Он понятен в историко-культурном и политическом контексте эпохи, но одновременно указывает (наряду с некоторыми другими фактами) на далеко зашедшую «адаптацию» российской армии к специфическим кавказским условиям. Само же основание крепости Грозной, как и ряда других (Внезапной и др.) А.П. Ермоловым преследовало цели пресечения работорговли (Великая, Великая, 2017).

Продолжая разговор о лицах польского происхождения, имевших отношение к пленению горцами, отметим, что среди них были и те, кто, по сути дела, были искателями приключений, авантюристами. Таков Ю. Закревский, который, будучи направленным на Кавказ, бежал и затем блуждал в поисках средств к существованию и перспектив между Черноморией и Георгиевском. Оказавшись в руках властей, он решил вызвать к себе сочувствие и назвал себя «выходцем из горских народов», назвавшись при этом вымышленным именем и фамилией. Это указывает на знакомство Юзефа Закревского с ситуацией на Кавказской Линии и теми перипетиями, которые доводилось испытывать как проживающим здесь россиянам, так и отправленным сюда полякам. Но этот прием не прошел, и вот тогда-то указанный субъект и назвался Закревским, выходцем из Варшавской губернии. Но в результате запроса выяснилось, что таковое лицо никогда не проживало по указанному адресу. В конечном итоге, лжеЗакревский (?), которого за бродяжничество решено было отправить в Сибирь, сбежал от своего поручителя и скрался в неизвестном направлении.

Еще одной группой поляков, пребывавших в горском плену, были те, кто пошел по пути адаптации в местной среде. Таков был К. Левандовский, женившийся на местной женщине, родившей ему четверых детей. Однако это не остановило его от бегства к русским, которых он уже воспринимал как «своих». Близкой была судьба Ф. Кобылянского, женившегося в плену на черкешенке и затем бежавшего с ней и дочерью в Геленджик. Женитьба на горянке была довольно типичным способом приспособления к жизни в горском социуме для целого ряда других «кавказских пленников» вообще, важным шагом в процессе смены идентичности (Дударев, Дударев, 2017). Однако Кобылянский, как видим, не пошел по этому пути до конца, покинув горскую среду.

Примечательно, что среди польских пленников, находившихся у горцев, были не только бывшие солдаты Великой армии или участники восстания 1830–1831 гг. Авторы приводят пример М. Найдовского, оказавшегося на богомолье в Киеве, где он нанялся в денщики к офицеру, который отправлялся служить на Кавказ. По прибытию во Владикавказ Найдовский стал жертвой жестокого обращения со стороны своего нанимателя, что послужило причиной его бегства и последующего захвата горцами. В длительном плену Найдовского ждала участь, очень близкая многим другим пленным, как польским, так и русским: тяжелые хозяйственные работы, отсутствие всякой гигиены и т.п. Подобно многим другим невольникам, он часто менял хозяев. В плену он встречал и русских дезертиров, о существовании которых в то время (и ранее) хорошо известно историкам-кавказоведам. Выдача таковых (как и пленных) властям была непременным условием со стороны последних к горцам, подчинявшимся российской власти, отказ же вел к репрессиям (С. 24). В конечном счете, Найдовский был сослан в Сибирь, как бродяга.

Впрочем, среди поляков, бежавших к горцам, было и немало тех, кто не просто отбывал роль пленника, не теряя надежды на бегство, но и сознательно находился в рядах тех, кто воевал с российской армией. Это относится, прежде всего, к участникам польского восстания конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в. Как отмечают авторы со ссылкой на дипломатические источники, на стороне горцев воевали как беглецы из русской армии, так и те, кто специально проник в ряды сражавшихся с ней горцев через территорию Османской империи (С. 31). По существу, это были предшественники тех польских легионеров, которые

дрались на стороне адыгов под командованием Т. Лапинского, эпопею которых авторы данного исследования рассмотрели в другой своей книге (Клычников, Лазарян, 2019).

Однако судьбы польских дезертиров из российской армии, желавших мстить российской стороне, как показано Ю.Ю. Клычниковым и С.С. Лазаряном, были весьма превратными. Авторы, опираясь на свидетельства как российских, так и иностранных (британских) источников 30-х гг. XIX в. (воспоминания Ф.Ф. Торнау, Дж. Лонгворта и др.) показывают тот факт, что беглые поляки у адыгов оказывались в неволе, служа товаром, а совсем не «товарищами по оружию». Горцы, кроме этого, использовали представителей данного контингента для обмена на своих соплеменников, плененных российскими войсками (С. 34). По показаниям К. Калиновского, дезертиры, скрывавшиеся в горах, одновременно сами же участвовали в торговле «живым товаром» (С. 35). При этом исследователи совершенно верно указывают на то, что на путь дезертирства становились далеко не все польские военнослужащие российской армии, будучи в своей массе верными присяге, что особенно убедительно недавно было показано О. В. Матвеевым (Матвеев, 2015). Впрочем, им следовало бы подчеркнуть и тот факт, что у разных групп горцев, воевавших с российскими войсками, было разное отношение к беглым военнослужащим императорской армии. Если адыги порабощали беглых поляков, то имам Шамиль привечал всех российских беглых, в том числе и поляков, стремясь, тем самым, внести раскол в ряды противоборствующей стороны. Впрочем, название мемуаров К. Калиновского красноречиво включает в себя и слова «неволя у Шамиля». Эта неволя оказалась весьма своеобразной. С одной стороны, она давала Калиновскому то ощущение свободы, после которого жизнь у русских (к которым он, однако, вернулся) показалась «мертвой». И в то же время, этот поляк порвал с такой свободой, помогая русским в освобождении пленников, участь которых была очень тяжелой (С. 35): облегчение давалось только тем, кто изменял присяге и вере. Недаром на Руси говорили: «Какова воля, такова и неволя».

Авторы завершают вторую часть работы справедливой констатацией того, что плен и рабство были частью обыденной северокавказской повседневности первой половины XIX в. Участь раба могла выпасть на долю практически любого россиянина, который жил в этом регионе в то время. Причина же заключалась в той общественной практике, которая существовала в то время у народов региона, когда весь он являлся потенциальным «полем охоты» за невольниками. Заметим, что видный советский историк-кавказовед А.И. Робакидзе очень выразительно называл практику пленопродавства национальным бедствием, ранние формы которого имели характер национальной индустрии (Робакидзе, 1988). Главными потребителями «живого товара» с Кавказа были государства Востока, особенно Османская империя. Современники очень хорошо понимали необходимость разрыва этой порочной цепи, и среди них был и «наше всё» – А.С. Пушкин (Пушкин, 2010). Только с завершением т.н. «Кавказской войны» с этим позорным явлением было покончено. Впрочем, как показывает недавняя история, не навсегда. С начала дестабилизации обстановки на Северном Кавказе в 1990-е гг. практика захвата людей для превращения их в предмет торга и эксплуатации пережила реанимацию. В дудаевско-масхадовской Чечне вновь стали функционировать «зинданы»¹, набитые несчастными людьми, похищенными как на территории этой республике, так и в соседних регионах, а также в Центре, функционировали рабские «рынки». Покончить с данными явлениями удалось только после «второй чеченской кампании». Впрочем, это уже совсем другая история.

Возвращаясь же в русло основного повествования, необходимо указать и на то, что книга Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна сопровождается достаточно емким списком основных источников и литературы. В приложениях же публикуются ценные документы из Государственного архива Ставропольского края, являющиеся важными источниками о судьбах польских пленников, которые ныне могут быть использованы всеми, кто заинтересуется данной темой, чтобы составить свое представление о рассмотренной теме. Давая проделанной работе высокую оценку, одновременно нужно сделать и некоторые

¹ Мемуары «кавказских пленников» определенно указывают на то, что в XIX в. этого термина не существовало. Он, похоже, был перенесен из литературы о Востоке в сегодняшнюю действительность только в наше время и превратился своеобразный «ориенталистский» штамп.

замечания. Качественное исследование уважаемых авторов наглядно показывает, что польские пленники поневоле стали на какое-то время (а ряд их – и навсегда) частью «русского мира» на Кавказе, а значит и разделили те или иные его перипетии. Одной из крайне нелегких из них стал плен у горцев. Историки совершенно верно и точно приходят к выводу о том, что пройдя его, поляки прошли через очень важную трансформацию представлений о «своем» и «чужом» (что предоставляет крайне интересный материал для тех ученых, которые ведут исследования в русле имагологии) (С. 40). Прошедшим через тернии «двойного плена» «русский мир» становился гораздо ближе, нежели первоначально. И тем внимательнее нужно было сопоставить типичные ситуации попадания в плен и модели пребывания в нем, связанные с польскими пленными, с аналогичным материалом, известным по пленникам-россиянам (Великая, 2013; Великая, 2015). Интересно было бы и выявить отношение польских пленных к миру горцев, их культуре, быту, менталитету и т.п. Полагаем, что это задача будущих исследований.

В целом работа Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна вносит важный вклад в познание особенностей контактов представителей Польши с миром Кавказа в экстремальной ситуации, разумеется под углом зрения феномена кавказского рабовладения (пленопродавства, пленовладения), проявившегося, в данном случае, на оригинальном материале межкультурных связей еще одного народа Восточной Европы и кавказцев в контексте международных и внутрироссийских событий первой половины XIX в.

Литература

Великая, 2013 – Великая Н.Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. / Научн. ред, сост. О.В. Матвеев. Краснодар: «Эдви», 2013. С. 84-91.

Великая, 2015 – Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т.9(41). М.: Русская панорама, 2015. С. 90-101.

Великая, Великая, 2017 – Великая Е.В., Великая Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг.). Монография. Армавир: РИО АГПУ, 2015. С. 81.

Дударев, Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 198.

Клычников, Лазарян, 2019 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019. 90 с.

Матвеев, 2015 – Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.

Пушкин, 2010 – Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / Опальные: Русские писатели открывают Кавказ в 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 404-421.

Робакидзе, 1988 – Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказ // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1988. С. 14-15.

References

Dudarev, Dudarev, 2017 – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizain-studiya B. P. 198. [in Russian]

Klychnikov, Lazaryan, 2019 – Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S. (2019). Pol'skie insurgenty v ryadakh «nemirnykh» gortsev [Polish insurgents in the ranks of "non-peaceful" highlanders]. Pyatigorsk, 90 p. [in Russian]

Matveev, 2015 – Matveev, O.V. (2015). Kavkazskaya voyna: ot fronta k frontiru [Caucasian war: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Istoriko-antropologicheskie ocherki. Krasnodar: Edvi, 272 p. [in Russian]

Pushkin, 2010 – *Pushkin, A.S.* (2010). Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda [Journey to Arzrum during the campaign of 1829]. Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz v 3 t. Stavropol': Izd-vo SGU, T. 1. Pp. 404-421. [in Russian]

Robakidze, 1988 – *Robakidze, A.I.* (1988). Nekotorye cherty gorskogo feodalizma na Kavkaz [Some features of highland feudalism in the Caucasus]. Razvitie feodal'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza. Makhachkala: Dag. filial AN SSSR, In-t istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy, pp. 14-15. [in Russian]

Velikaya, 2013 – *Velikaya, N.N.* (2013). Plennye slavyane v gorakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captured Slavs in the mountains of the Northwest Caucasus]. Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vyp. 7. Nauchn. red, sost. O.V. Matveev. Krasnodar: «Edvi», pp. 84-91. [in Russian]

Velikaya, 2015 – *Velikaya, N.N.* (2015). Prichiny nakhozhdeniya rossiyan v srede gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza (pervaya polovina XIX veka) [The reasons for the presence of Russians among the highlanders of the North-East Caucasus (the first half of the XIX century)]. *Kavkazskii sbornik*. T. 9(41). M.: Russkaya panorama, pp. 90-101. [in Russian]

Velikaya, Velikaya, 2017 – *Velikaya, E.V., Velikaya, N.N.* (2017). Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801–1859 gg.) [Peaceful forms of integration of the North-East Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)]. Monografiya. Armavir: RIO AGPU, p. 81. [in Russian]

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследование профессоров Пятигорского университета посвящено ранее малоисследованной теме нахождения в плену у горцев Северного Кавказа лиц польской национальности. Они оказались в руках горцев в связи с тем, что в результате различных исторически событий (участия поляков на стороне Наполеона в его походе на Россию в 1812 г. и подавления польского восстания 1830–1831 гг. царскими войсками) оказались на территории данного региона. Авторы рассматривают обстоятельства пленения поляков горцами, что позволяет выделить ряд типичных ситуаций и причин, связанных с этим. Они отчасти сходны с теми, при которых у горцев оказывались пленные и перебежчики русского происхождения (неосторожное поведение в пути, похищение, дезертирство, желание избежать насилия со стороны начальствующих лиц, стремление к борьбе с российской армией на стороне горцев, и т.п.). Историки уделили внимание и путям адаптации пленных поляков в горской среде, которые, прежде всего, у адыгов, в большинстве случаев находились на положении рабов. Рецензируемая работа обогащает наши представления о положении лиц иноэтничного происхождения, находившихся в горском плену в первой половине XIX в. на Северном Кавказе.

Ключевые слова: наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., польское восстание 1830-1831 гг., пленные и ссыльные поляки, набеги горцев, фронтир, «двойной плен», поляки в рабстве у горцев.

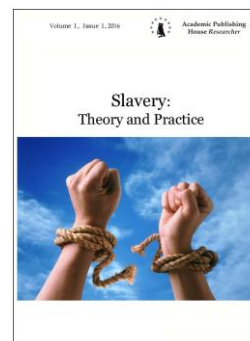
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 42-44

DOI: 10.13187/slave.2019.1.42

www.ejournal43.com

Letter to the Editorial Office

On the Sale of Women in Soviet Concentration Camps during the Russian Civil War

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation^c American Historical Association, Washington, USA

Abstract

The material is based on an oral testimony made in the 1970s. It tells about the fact of the sale of women in a soviet concentration camp near Krasnodar city during the Russian Civil war. The attention is paid to the creation and application of the institution of hostage-taking, as well as the creation of soviet concentration camps in the Kuban region in 1920–1921 years. This evidence is a little-known page of life in soviet concentration camps and, according to the author, this story could well have occurred.

Keywords: civil war, Russia, sale of women, concentration camps, soviet power.

Гражданскую войну в России (1917–1922 гг.)¹ изучали давно и достаточно досконально, однако ввиду политизированности этой темы многие аспекты оставались вне поля зрения профессиональных историков. Одной из таких тем были и используемые большевиками концентрационные лагеря. Важно напомнить, что на территории только Кубанской области (Юг России) в 1920–1921 гг. были созданы три концентрационных лагеря (под Краснодаром, Новороссийском и Майкопом). В условиях красного террора, когда происходили массовые расстрелы населения и применялся на практике институт заложничества против активных участников сопротивления советской власти (нужно оговориться, что в число активных участников большевики поголовно записывали бывших офицеров, священников, зажиточных крестьян и др. слои населения), создание концентрационных лагерей преследовало цель воздействовать на активных членов сопротивления путем заточения в лагеря их членов семей. Иными словами концентрационные лагеря являлись психологической мерой воздействия на членов сопротивления против советской власти.

Как известно заложничество в гражданской войне применялось большевиками с самого начала захвата власти, то есть с 1917 г. Однако уже в 1918 г. значительные части России были отторгнуты от территории советской России. В результате заложничество на

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

¹ Периодизация дана в современной (расширенной) интерпретации. Как известно, после поражения белогвардейцев в 1920 г., в России началась так называемая малая гражданская война, которая велась на Дальнем Востоке, а также на казачьих и других территориях. К примеру, на территории Кубанской области военное положение было отменено только в декабре 1922 г.

территории Кубанской области было введено только в 1920 г. Первым документом регламентирующим взятие в заложники была телеграмма Всероссийской Чрезвычайной комиссии (далее ВЧК) от 10 августа 1920 г. к населению Кубанской и Терской областей, Ставропольской губернии и Черноморского побережья. Мера эта была вызвана деятельностью бело-зеленых отрядов, которые начали захватывать казачьи станицы и истреблять советских работников. Уже к марту 1921 г. нормативная база заложничества предполагала применение насилия по отношению к членам семей повстанцев, то есть к женщинам и детям. Согласно нормативным документам, все заложники должны были содержаться в арестных домах, а если такового не было, то должны были быть отправлены в Краснодарский концентрационный лагерь (Черкасов, 2004: 109). С ноября 1920 г. по февраль 1921 г. только в Краснодарский концентрационный лагерь поступило 2805 человек. Таким образом, в концентрационных лагерях насчитывались значительные контингенты подвергшихся репрессиям людей.

Что же касается торговли женщинами в советских концентрационных лагерях, то, разумеется, официальных документов об этом явлении нет. Однако в период подготовки моей докторской диссертации примерно в 2004 г. я общался с профессором Валерием Евгеньевичем Щетневым (1934–2011 гг.) (Рожков, 2011), который был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Однажды речь зашла о концентрационных лагерях, и тут Валерий Евгеньевич сказал, что еще в 1970-х гг. он вел интервьюирование одной казачки преклонных лет, которая между делом рассказала, что в период гражданской войны была в таком концентрационном лагере, будучи молодой девушкой. И что ее выкупил оттуда какой-то красноармеец, ставший впоследствии ее мужем. Интервьюер утверждал, что эта практика в то время была едва ли не нормой и что члены семьи, как правило, не возражали против разлучения с семьей, так как это была хорошая возможность покинуть территорию концентрационного лагеря. К сожалению данных о стоимости женщины в лагере не сохранилось, известно только что сделка осуществлялась между красноармейцем и охраной концентрационного лагеря.

По понятным причинам интервьюер, родившийся в начале 1900-х гг., уже скончался, в 2011 г. ушел из жизни и профессор Щетнев. В результате я стал носителем незадокументированной информации, которая вносит дополнительные штрихи к картине пребывания казачьего населения в советских концентрационных лагерях периода гражданской войны. С учетом конкретно исторической обстановки данное свидетельство представляется нам достоверным, именно поэтому я взялся за то, чтобы донести этот источник личного происхождения до целевой аудитории.

Литература

Черкасов, 2004 – Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и в Черноморье в 1920-1922 гг. // *Вопросы истории*. 2004. № 10. С. 106-112.

Рожков, 2011 – Рожков А.Ю. Памяти Валерия Евгеньевича Щетнева (08.10.1934-5.01.2011) // *Былые годы*. 2011. № 1. С. 5-9.

References

Cherkasov, 2004 – Cherkasov, A.A. (2004). Institut zalozhnichestva na Kubani i v Chernomor'e v 1920-1922 gg. [Institute of hostage-taking in the Kuban and the Black sea region in 1920-1922]. *Voprosy istorii*. 10: 106-112. [in Russian]

Rozhkov, 2011 – Rozhkov, A.Yu. (2011). Pamyati Valeriya Evgen'evicha Shchetneva (08.10.1934-5.01.2011) [In memory of Valery E. Shchetnev (08.10.1934-5.01.2011)]. *Bylye gody*. 1: 5-9. [in Russian]

О продаже женщин в советских концентрационных лагерях периода гражданской войны в России

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

Аннотация. В материале на основе устного свидетельства, сделанного в 1970-е гг. рассказывается о факте продажи женщин в советском концентрационном лагере под Краснодаром в период гражданской войны в России. Уделено внимание созданию и применению института заложничества, а также созданию советских концентрационных лагерей на территории Кубанской области в 1920–1921 гг. Данное свидетельство является малоизвестной страницей жизни в советских концентрационных лагерях и, по мнению автора, данная история вполне могла иметь место.

Ключевые слова: гражданская война, Россия, продажа женщин, концентрационные лагеря, советская власть.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: a.cherkasov@incfar.net (А.А. Черкасов)
